

И. Б. Гаврилов

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ. ЖИЗНЬ. ТРУДЫ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Статья посвящена анализу эволюции религиозно-философских взглядов выдающегося государственного деятеля, ученого-гуманитария, антиковеда, филолога, историка, философа, министра народного просвещения Российской империи (1833–1849), президента Императорской Академии наук (1818–1855) графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855). Показано, что творческий путь мыслителя на всех его этапах не выходил из рамок консервативного мировоззрения. Еще в 1810-е гг. Уваров пришел к убеждению, что в Европе революция стремится уничтожить культуру, просвещение и «народный дух», тогда как Россия может развиваться без революционных потрясений, опираясь на свои духовные, политические и национальные традиции. Уже в ранних работах, написанных под воздействием романтического ориентализма, он выступает как христианский просветитель, геополитик — предтеча евразийства, критик философии французского Просвещения и защитник христианской культуры и религии. Будучи философом-христианином, С. С. Уваров связывает «истинную свободу» с духовно-нравственной жизнью народа, добивается совершенствования политического через совершенствование нравственное, выводит освобождение гражданское из освобождения духовного. В отличие от многих представителей высшего чиновничества николаевской России, видевших в развитии образования революционную угрозу, он, напротив, рассматривает просвещение как наиболее эффективное средство укрепления российской государственности.

Ключевые слова: просвещение, консерватизм, романтизм, ориентализм, неоклассицизм, образование, философия образования, «русская триада», «официальная народность», православие, самодержавие, народность, С. С. Уваров, Александр I, Николай I, А. Н. Оленин, А. Н. Голицын, М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, П. А. Плетнев, А. А. Фишер, Императорская Академия наук, «Арзамасское общество безвестных людей», Министерство народного просвещения, Табель о рангах, Университетский устав 1835 г., Поречье, «русские Афины», ЖМНП, «Москвитянин».

Сергей Семенович Уваров (25.08.1786 — 04.09.1855) — видный ученый-гуманитарий, антиковед, филолог, историк, оригинальный историософ, министр народного просвещения Российской империи (1833–1849), президент Императорской Академии наук (1818–1855), посвятивший почти четыре десятилетия своей жизни разработке, утверждению и воплощению самостоятельной, независимой от западных моделей системы российского образования.

Имя этого выдающегося отечественного просветителя было подвергнуто очернению и тотальному искоренению из истории русской культуры, образования, науки и мысли. Как точно подметил современный исследователь

Игорь Борисович Гаврилов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igo7777@mail.ru).

Портрет С. С. Уварова.
Худ. С. Дитц, 1840 г.

М. М. Шевченко, «историческая литература вплоть до новейшей эпохи не столько изучала его государственную деятельность, сколько боролась с его тенью, формировала и поддерживала его отрицательный образ»¹.

Негативная мифологизация личности Уварова началась еще в XIX в. стараниями «либеральной партии», была продолжена революционными демократами и закреплена советской наукой. Так, один из ведущих западников профессор Московского университета С. М. Соловьев утверждал: «Уваров был человек, бесспорно, с блестящими дарованиями, и по этим дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей <...>

был способен занимать место министра народного просвещения и президента Академии наук; но в этом человеке способности сердечные нисколько не соответствовали умственным <...>, он не щадил никаких средств, никакой лести, чтоб угодить барину (императору Николаю I. — *И. Г.*); он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки»².

Эти навешанные знаменитым либеральным историком ярлыки сегодня уже убедительно опровергнуты — в частности, в работах крупных западных исследователей Р. Пайпса и Ц. Виттекер. Например, по поводу обвинений в атеизме последняя в своей фундаментальной монографии пишет: «Уваров не был атеистом, хотя и рассматривал религию скорее как культурную, а не духовную ценность»³. Необоснованными видятся и упреки в франкофильстве, незнании русского языка и отечественной литературы и нелюбви к ним. Та же Цинтия Виттекер отмечает, что библиотека ученого была «полна русских книг», а ее хозяин «писал на родном языке и изящным слогом»⁴. Исследовательница разделяет лишь мнение о приверженности Уварова либерализму,

¹ Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27.

² Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 267–268. Интересно, что за Уварова вступился сын историка, знаменитый философ В. С. Соловьев: «В публичной своей деятельности Уваров имел большие заслуги: из всех русских министров народного просвещения он был, без сомнения, самый просвещенный и даровитый, и деятельность его — самая плодотворная» (*Соловьев В. С. Судьба Пушкина* // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век. М.; СПб., 1999. С. 29–30).

³ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 146.

⁴ Там же.

полагая, что он действительно был либералом и представлял будущее России свободным и конституционным, «но тщательно прятал свои взгляды в беспоконном стремлении сохранить власть»⁵. Настоящая статья отчасти является попыткой поставить под сомнение этот тезис, опираясь прежде всего на тексты самого мыслителя.

В 1873–1874 гг. в журнале «Вестник Европы» либеральный историк А. Н. Пыпин, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, впоследствии вице-президент Императорской Академии наук, интерпретируя уваровскую формулу «Православие. Самодержавие. Народность» с позиций либерального народничества, ввел в научный оборот термин «теория официальной народности», или «система официальной народности»⁶. Он утверждал, что эта система определяла идеологию внутренней и внешней политики императора Николая I, и пытался доказать искусственность, казенность, оторванность «официальной народности» Уварова от подлинной жизни русского народа; представлял ее некоей апологией рабства, защитой крепостного права. Идеологическая тенденциозность теории «официальной народности» Пыпина сейчас уже очевидна: еще Н. И. Казаков убедительно доказал, что понятие «народности» было выдвинуто графом С. С. Уваровым и воспринято большинством его современников как «призыв к развитию и утверждению самобытно-русской национальной культуры»⁷.

Ложный стереотип прочно утвердила советская историография, изображая Уварова александровского времени типичным либералом, а в эпоху «николаевской реакции» — прожженным реакционером и мракобесом, крепостником и врагом истинного просвещения, порочной и зловещей фигурой, безликим чиновником без убеждений, легко предавшим идеалы арзамасского братства ради служебной карьеры. Даже в первом современном (2010 г.) научном издании сочинений мыслителя авторы предисловия пишут: «Общественно-политические взгляды Уварова во многом определялись карьерными соображениями»⁸. Суть позиции министра они видят в поддержке и обслуживании любого существовавшего политического режима⁹.

До сих пор не появилось ни одной посвященной С. С. Уварову отечественной научной монографии; единственная зарубежная монография вышла в 1984 г. в США, а ее русский перевод увидел свет в 1999-м¹⁰.

В последние два десятилетия наметилась тенденция к объективному рассмотрению многосторонней деятельности выдающегося просветителя¹¹,

⁵ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 146.

⁶ *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. СПб., 1906.

⁷ *Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // *Контекст*. 1989. Т. 1989. С. 5–41.

⁸ *Парсамов В. С., Удалов С. В.* Сергей Семенович Уваров // *Уваров С. С.* Избранные труды. М., 2010. С. 21.

⁹ Там же. С. 21–22.

¹⁰ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. 348, [1] с.

¹¹ См., напр.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М., 2001; *Шевченко М. М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской

связанная в первую очередь с возросшим интересом к философии консерватизма¹². Сегодня С. С. Уваров достаточно известен в научном мире как «государственный муж», но фактически незнаком как самобытный консервативный мыслитель, один из главных теоретиков русской философии образования XIX в. Его общественно-политическое и литературно-мемуарное наследие по-прежнему находится на периферии внимания гуманитарных наук и истории философии. Таким образом, эта значительнейшая в истории отечественной науки и культуры фигура, в течение полутора столетий несправедливо пренебрегаемая, постепенно начинает обретать отчетливые контуры. Но исследователям еще предстоит решить многие важные задачи: это и восстановление полной биографии Уварова, и раскрытие основ его религиозно-философского мировоззрения, идейных истоков и основных влияний, и уяснение места ученого в истории русского консерватизма и того серьезного воздействия, которое оказала концепция уваровской триады на российское образование и историософскую мысль второй половины XIX — начала XX вв.

* * *

Сергей Семенович Уваров родился в Петербурге 25 августа 1786 г. и принадлежал к старинному русскому дворянскому роду, восходящему к XV в. Его отец, Семен Федорович Уваров (1743–1788), погибший в русско-шведской войне 1788–1790 гг., был «адъютантом императрицы Екатерины и подполковником гренадерского полка, полковником которого была императрица»¹³. Екатерина

России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. В 4-х т. М., 2002–2003; *Зверева Н. А.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005; *Мещерякова А. О.* Граф С. С. Уваров в контексте русского консерватизма первой половины XIX века // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 67–75; *Холмогоров Е. С.* Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Там же. 2018. № 1. С. 86–123.

¹² См.: *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011; *Фатеев В. А.* Первая энциклопедия русского консерватизма. Рецензия на: Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 251–265; *Гаврилов И. Б.* Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840-е гг.) // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 238–262; *Его же.* К вопросу о характеристике философского и научного наследия С. П. Шевырева // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2017. № 1. С. 122–133; *Его же.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214; *Его же.* Михаил Никифорович Катков. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1. С. 136–177; *Его же.* Степан Петрович Шевырев о «русском воспитании» // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 146–150; *Его же.* К характеристике философии образования А. С. Шишкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 181–203; *Его же.* Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 204–221.

¹³ *Шевченко М. М.* Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 298. «Моей крестной матерью была императрица Екатерина. Такая милость в ее царствование имела особенную ценность, поскольку представлялась государыне чем-то вроде усыновления» (Там же. С. 300).

сама выразила желание стать крестной матерью будущего государственного мужа, и младенец принял крещение в церкви Зимнего дворца, с наречением имени в честь преп. Сергия Радонежского. Примечательно, что до конца жизни для представления и подписи Уваров использовал церковную форму своего имени (Сергий), что является еще одним аргументом против возводимых на него обвинений в франкофильстве, нерусскости и неправославности¹⁴.

Мыслитель получил блестящее европейское дворянское домашнее воспитание и образование. В написанной для сына автобиографии он подробно раскрывает «идею системы нашего воспитания, которое во многих отношениях носило характер, отличный от воспитания наших детей»¹⁵. Наставником мальчика стал бежавший от французской революции ученый аббат Манген — «превосходный и славный человек»¹⁶. Сергей Семенович отмечает, что он «оказался фактически воспитан в системе и в идеях, постепенное исчезновение которых увидело следующее поколение»¹⁷. Аббат взрастил своего ученика страстным приверженцем «l'ancien régime»¹⁸ и научил его презирать республиканский девиз «liberté, fraternité, égalité»¹⁹, выставленный в 1789 г. на революционном знамени.

Впоследствии Уваров неизменно сохранял усвоенный в детстве аристократизм: «Мы учили латынь с большим или меньшим успехом. Затем довольно поверхностный курс истории, соединенный с очень тщательно отделанным курсом литературы, формировали основу образования. <...> К этим упражнениям для ума присоединилось во всей широте великое множество упражнений для тела, позаимствованное, по духу того времени, из старой Франции, упражнений, составлявших по преимуществу принадлежность благородного звания: музыка, танец, верховая езда и даже вольтижировка, фехтование, плавание, ровно как и гимнастика, составляли в целом большую часть. Таким образом, в возрасте 15 или 16 лет входили в свет с большими или меньшими внешними достоинствами, составлявшими благородного человека в полном виде»²⁰.

Итак, уже в 15 лет будущий министр — блестяще воспитанный и образованный аристократ, свободно писавший и говоривший на основных европейских

¹⁴ Не выдерживает критики и другое обвинение — в незнании русского языка. М. П. Погодин, опубликовавший письма Уварова к нему, свидетельствует, что все они были написаны собственноручно от первой до последней строки и убедительно «доказывают, что С. С. писал по-русски с хорошим знанием русского языка, в чем сомневались тогда многие» (*Погодин М. П. Для биографии графа С. С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. Стб. 2100*).

¹⁵ *Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 299.*

¹⁶ «Во время первого периода французской революции из-за гражданской присяги, требуемой от духовенства, из Франции в короткое время удалились самые выдающиеся люди, призванные заниматься воспитанием. И, таким образом, все то поколение, гонимое преследованием, пришло искать убежища в Россию. Оно здесь не только было принято с восторгом, но еще и все воспитание молодой русской знати исподволь перешло в руки изгнанного из Франции духовенства» (Там же).

¹⁷ Там же. С. 300.

¹⁸ «Старый порядок» (фр.) — королевский строй до революции 1789 г.

¹⁹ Свобода, братство, равенство (фр.) — официальный девиз современной Французской республики.

²⁰ *Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 300.*

Портрет С. С. Уварова.
Худ. О. Кипренский, 1815 г.

языках, что являлось нормой для высшего сословия того времени. Но необычным для его эпохи и круга общения было постоянное стремление к самообразованию, сохранявшееся в нем до последних дней²¹.

Выбрав не военную, а дипломатическую службу, в марте 1807 г. С. С. Уваров получает назначение в Вену. Покидая Россию, он ехал в Европу аббата Мангена, где ожидал найти культурный расцвет и «европейскую просвещенность». Однако вскоре эти иллюзии развеялись: он увидел, что венская знать малообразованна, равнодушна ко всему «изящному», «погрязла в пороках», утратила благородство и презираема своим народом. Но главную опасность для нации мыслитель усмотрел в том, что аристократия растеряла любовь к Родине, от-

носится к ней «без страсти и порыва», не знает и не любит свою историю²².

Служебные занятия не угашали в молодом дипломате тягу к самообразованию, выражавшуюся, в частности, в увлечении чтением. Так, из прочитанного им в Вене в источниках зафиксированы: Макиавелли, Мор, Шекспир, Кальдерон, Руссо, Вольтер, Шиллер, Гоббс, Кант, Беркли, Шлегель, Фихте, Шеллинг, Локк, Виланд, Делиль, Шатобриан, Гете и др. Также его интересовали научные изыскания в области античной древности, немецкой истории и литературы, восточных языков и истории искусств²³.

Венский круг общения Уварова составляли посетители аристократических салонов, в которых господствовали антинаполеоновские и антиреспубликанские настроения. Среди его знакомых можно выделить: популярную французскую писательницу романтического направления, хозяйку модного парижского оппозиционного салона, высланную Наполеоном из Франции, Жермену де Сталь; прусского барона Карла фон Штейна; «кровного врага Наполеона» корсиканца Поццо ди Борго; выдающихся немецких ученых братьев Александра и Вильгельма Гумбольдтов; немецкого историка литературы Августа Вильгельма Шлегеля; австрийского фельдмаршала и дипломата князя Шарля Жозефа де Линя и др. В конце жизни, будучи на покое, Сергей Семенович

²¹ В автобиографии Уваров поведал: «С колыбели лишенный поддержки отца, врученный своим собственным заботам в тот день, когда нежнейшая мать исполнила свою роль, предоставленный своей собственной осторожности в том возрасте, когда страсти слишком уж часто помрачают рассудок, я был достаточно счастлив тем, что нашел во вкусе к исследованию и в привычке к размышлению ресурсы, которые мне не изменили» (Там же. С. 318).

²² Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 52.

²³ Там же. С. 53.

посвятит этим живым осколкам аристократических салонов XVIII в. несколько мемуарных очерков, где с гордостью подчеркнет свою личную причастность и искреннюю привязанность к ушедшей в прошлое аристократической культуре²⁴. Влияние на него также оказал князь Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), бывший российский посол в Австрии, известный меценат, которому Бетховен посвятил «Русские квартеты» и чей венский дворец в стиле классицизма (нем. Palais Rasumofsky) славился как один из главных центров антинаполеоновской оппозиции.

Заграничный период жизни стал для Уварова хорошей интеллектуальной, эстетической и политической школой, подготовив его к активной государственной деятельности на Родине. Ближе познакомившись с современной ему Европой, он пришел к убеждению, что революция 1789 г. нанесла сокрушительный удар по европейской христианской цивилизации, частью которой на протяжении XVIII в. стремилась стать Российская империя. Глубоко усвоив идеи европейского консерватизма, Уваров смог противопоставить России Западу и обратился к осмыслению уникальности и своеобразия отечественного исторического опыта²⁵.

* * *

Покинув Вену 10 мая 1809 г. и вернувшись в Петербург, блестяще образованный молодой аристократ по рекомендации А. К. Разумовского был принят в доме его брата, графа Алексея Разумовского (1748–1822), в скором времени назначенного министром народного просвещения (1810–1816)²⁶. 23 сентября 1810 г. Уваров женится на его дочери Екатерине (1781–1849), любимой фрейлине императрицы Елизаветы Алексеевны, одной из богатейших невест Российской империи. В этом браке, продлившемся почти четыре десятилетия, у супругов родилось четверо детей — три дочери и сын Алексей, ставший выдающимся археологом.

Еще в Вене большое впечатление на начинающего мыслителя произвел брат известного немецкого историка литературы А. В. Шлегеля философ-романтик Фридрих Шлегель (1772–1829), в своей знаменитой книге «О языке и мудрости индусов» (1808) утверждавший, что истоки европейской цивилизации лежат на Востоке. После отъезда Уварова в Россию Шлегель прислал ему в Петербург прочитанный им в 1810 г. курс лекций по философии истории,

²⁴ Примечательно, что одна из венских собеседниц Уварова, мадам де Сталь, в последнем письме к нему (сентябрь 1815 г.) характеризует его как «француза кануна революции, по случайности родившегося в России», «ученика, учившегося искусству быть французом времен Людовика XV у последнего мастера этого угасшего искусства — князя де Линя» (Цит. по: *Хотеев В. Ф., Чернета В. Г.* Граф С. С. Уваров — министр-просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 147).

²⁵ *Зверева Н. А.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 60.

²⁶ По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, все сыновья гетмана Кирилла Разумовского «были начинены французской литературой, облечены в иностранные формы, почитали себя русскими Монморанси (старинный дворянский французский род, известный с X в. и угасший в 1878 г. — *И. Г.*), были любезные при дворе и несносные вне его аристократы» (*Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. В 3-х т. Т. 3. М., 1866. С. 81).

отметив, что «был бы очень рад, если бы этот опыт привлек внимание столь просвещенного знатока наук и истории»²⁷.

Влияние популярной в Европе ориенталистской романтической концепции Шлегеля весьма ощутимо в трудах Уварова 1810-х гг. Уже в год возвращения будущий министр народного просвещения написал и затем издал на французском и русском языках первую крупную научную работу — «Проект Азиатской академии», посвятив ее своему покровителю и тестю графу А. К. Разумовскому. В русле идей ориентализма он называет Азию «центром, откуда просвещение распространилось по земному шару», «фундаментом грандиозного здания человеческой цивилизации»²⁸. Восток, в том числе и библейский мир, рассматривается им как «колыбель человеческого рода», охранитель и рассадник первоначального просвещения, «родина философии»²⁹. По мысли Уварова, благодаря развитию в России востоковедения история философских идей должна приобрести новый ракурс, открывающийся, в частности, при философском исследовании языков: «Изучать язык народа — значит изучать в то же время развитие его идей. Чем совершеннее язык, тем ближе говорящий на нем народ к цивилизации. Аналитическое изучение языка приобщает нас к духу нации...»³⁰. В работе приводятся весьма убедительные, обращенные к российскому правительству аргументы о необходимости создания в нашей стране Азиатской академии, т. к. именно Россия по своему географическому положению может стать посредницей между европейской и азиатской образованностью. Таким образом, еще в этом раннем сочинении Уваров приходит к одному из ключевых своих тезисов — пониманию России как главного центра обновления и возрождения европейской культуры³¹.

Характерно, что ученый не упускает случая дать критику «ложной философии» французского Просвещения, смело полемизирует по вопросу Библии и выступает апологетом христианства: «Французские писатели XVIII в., опозорившие прекрасное имя “философов”, собрали против Священного Писания все софизмы своей жалкой диалектики. Но с того момента, как лучше узнали Восток, все мудрые умы воздали Библии честь, соответствующую ее боговдохновенной мудрости»³². Он убежден, что серьезное научное исследование Востока не только вернет священным книгам подобающий авторитет, но и придаст им «новый блеск и новый интерес», разрушит «в самом основании воздушные замки новейших материалистов», нанесет сокрушительный удар по атеистической псевдофилософии Просвещения³³. Подлинная же философия в понимании Уварова уже в то время неразрывно связана с религией: «Историю философских идей всегда должно соединять с историей религиозных

²⁷ Цит. по: Зорин А. Л. Идеология «православия — самодержавия — народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 112.

²⁸ Уваров С. С. Проект Азиатской академии // *Его же. Избранные труды...* С. 65.

²⁹ Там же. С. 71, 73.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 29.

³² Уваров С. С. Проект Азиатской академии... С. 70.

³³ Там же.

верований, потому что философия, предоставленная самой себе, объясняет только вполнину историю человеческого ума»³⁴.

«Проект» прославился как в Европе, так и в России, заслужив положительные отзывы Наполеона, французского ориенталиста Луи-Матье Лангле, великой княгини Екатерины Павловны, Фридриха Шлегеля, Гете³⁵, знаменитого посланника Сардинского королевства при русском дворе Жозефа де Местра и др. Последний, в частности, написал на него обширную рецензию, а в личном письме благословил Уварова такими словами: «Вы призваны выполнить прекрасную миссию, и, я надеюсь, Вы ее выполните, провозглашая во всеуслышание добрые старые принципы и способствуя всеми силами внедрению в русских отвращения к преступным сумасбродствам прошлого века»³⁶ (т. е. Французской революции и философии Просвещения. — И. Г.)³⁷. Высоко оценив эту работу, в 1810 г. Императорская Академия наук избрала молодого ученого своим почетным членом.

Впоследствии Уваров неоднократно возвращался к теме Востока, постоянно поддерживал ориенталистские исследования, в 1818 г. выступил инициатором создания кафедр восточных языков в Петербургском Главном педагогическом институте³⁸, а в 1843 г., уже будучи министром просвещения, в отчете писал: «Россия, господствующая над значительной частью Азии, сохраняя под державой своей многочисленные и различные письмена азиатские, избрана судьбой пред всеми другими просвещенными народами на изучение Востока, его наречий, литератур, памятников его истории и верований»³⁹. Именно благодаря деятельности Сергея Семеновича как министра и президента Академии наук Россия превратилась в один из главных мировых центров ориенталистики и сохраняет этот статус до настоящего времени.

Однако признание огромного значения Востока как колыбели человеческой цивилизации не мешало ученому видеть культурное родство родной страны с европейским Западом, и в античности усматривать общий с Западной Европой источник просвещения и культуры — с той разницей, что для России

³⁴ Уваров С. С. Исследование об элевсинских таинствах // *Его же. Избранные труды...* С. 108.

³⁵ «Ваши намерения направлены на то самое, к чему я давно и тщетно обращал свои усилия», — признался молодому ученому великий немецкий писатель и философ.

³⁶ Вермаль Ф., Степанов М. Жозеф де Местр в России // *Литературное наследство.* 1937. Т. 29–30. С. 683.

³⁷ Крупнейший консерватор, противник просветительской философии, глубоко размышлявший о проблемах образования, Жозеф де Местр писал в 1810 г.: «...На человека смотрят как на некое отвлеченное существо, неизменное во все времена и во всех странах, и для оною начертываются столь же отвлеченные проекты. <...> Всякий план правительственного устройства, ежели не находится он в полном согласии с национальным характером, есть лишь пагубное мечтание. То же самое относится и к образованию. <...> Прежде чем приступить к плану оною, надобно изучить обычаи, склонности и зрелость нации» (*Местр Ж.-М., де. Петербургские письма. 1803–1817.* СПб., 1995. С. 137–138).

³⁸ В 1855 г., уже после отставки Уварова, на базе Санкт-Петербургского университета возник Восточный факультет.

³⁹ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // *Его же. Избранные труды...* С. 361.

он отмечал большую роль не латинской, а греческой образованности, породившейся с Древней Русью через Византию.

Интересно, что при обосновании этого особенного источника русского классицизма Уваров нашел поддержку у одного из основоположников новейшей историко-филологической науки в Германии, профессора Геттингенского университета Христиана Готтлоба Гейне (1729–1812). Так, он цитирует статью Гейне 1768 г.: «Россия имеет одно бесконечное преимущество перед остальной Европой. Она может взять греческую литературу за основу своей национальной литературы и образовать совершенно оригинальное направление. Она не должна стремиться подражать ни немецкой литературе, ни французскому остроумию, ни латинской учености. Углубленное изучение греческого языка откроет перед Россией неиссякаемый источник новых идей и богатство образов. Оно придаст истории, философии, поэзии самые чистые и приближенные к истинным образцам формы. Греческий также связан с религиею русских и славянской литературой, созданной, кажется, на его основе. Наиболее древние русские писатели учились у византийских историков и географов. Византийская история у русских вызывает наибольший интерес»⁴⁰.

Позднее С. С. Уваров станет создателем в России классической системы образования, основанной на древних языках. Изучение классических языков и античной литературы он рассматривал как важное средство противостояния нараставшему неверию и нигилизму: «Изучение античности отнюдь не является частным исследованием. Всякий раз как только эта наука возвышается над мертвой буквой, она становится историей человеческого духа. Она не только подходит ко всем эпохам и ситуациям человеческого существования, но еще и открывает столь обширное поле, что мысль, добровольно сосредотачиваясь на нем, мгновенно забывает о всех бедствиях, сопровождающих великие политические и нравственные потрясения»⁴¹.

«Исследование об элевсинских таинствах», вышедшее в 1812 г. на французском языке («*Essai sur les Mystères d'Éléusis*») и затем неоднократно переиздававшееся как в России, так и за рубежом, принесло мыслителю европейскую славу ученого. В этом труде он выдвигает гипотезу, что эпопты⁴², посвященные в великие мистерии, «получали <...> не только правильные понятия о Божестве и Его отношениях к человеку, но и о первоначальном достоинстве человеческой природы, о падении, бессмертии души, о средствах ее возвращения к Богу, наконец, о другой жизни за гробом: но им открывали также устные и даже письменные предания, эти драгоценные остатки после великого кораблекрушения человечества»⁴³.

Много лет спустя Уваров вспоминал: «Увлечший меня вкус к филологическим исследованиям побудил выдать непосредственно публике “Опыт об элевсинских таинствах”, который, осмелюсь сказать, наделал много шума в ученом мире и обеспечил мне открытую дверь в литературу: первый и до настоящего времени единственный данный какому-либо русскому титул

⁴⁰ Уваров С. С. Проект Азиатской академии... С. 81.

⁴¹ *Его же*. Исследование об элевсинских таинствах... С. 101.

⁴² Греч. «созерцатели», высшая степень посвящения в элевсинских мистериях.

⁴³ Там же. С. 115.

иностранный член Института Франции, который во всей Европе носит не более восьми человек⁴⁴. Ободренный таким успехом, я, без сомнения, посвятил бы большую часть своего времени литературным трудам, если бы, с другой стороны, постепенно возрастающая активная деятельность на государственной службе не поглотила весь мой досуг. Забыл сказать, что то сочинение, которое принесло мне лестное одобрение первой ученой корпорации Европы, подготовило также мое назначение на должность президента Императорской Академии наук»⁴⁵.

* * *

Вернувшись в Петербург, Сергей Семенович возобновил знакомство с директором Публичной библиотеки и президентом Академии художеств Алексеем Николаевичем Олениным (1763–1843), литературный кружок которого он посещал еще в 1804–1806 гг., до своего отъезда в Вену.

По-отечески принятый и обласканный в гостеприимном доме Олениных, где он познакомился с И. А. Крыловым, В. А. Озеровым, В. В. Капнистом, А. А. Шаховским и другими известными русскими литераторами, Уваров проникся благодарностью и уважением к яркой личности его хозяина. Впоследствии он писал: «...Искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина. Этот достойный сановник, чьи труды и усердие не вполне оценены, может быть, настоящим поколением, был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. <...> Пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовала успехам русских художников. <...> Сверх того Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня до драгоценностей керченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников»⁴⁶.

Надо признать, что Уваров сам имел отмеченные им черты старшего друга — страсть к искусствам, сочувствие талантам и стремление поддерживать и развивать все русское и национальное. Позднее в своем подмосковном имении «Поречье» он собрал уникальную художественную и археологическую коллекцию и смог передать увлечение древностями сыну Алексею, ставшему знаменитым археологом и коллекционером.

Вместе с Н. И. Гнедичем, Д. Н. Блудовым, К. Н. Батюшковым и другими Уваров представлял молодое поколение литераторов оленинского кружка, более связанное с идеями неоклассицизма, в отличие от старшего поколения,

⁴⁴ За эту работу Французская академия избрала Сергея Семеновича своим членом — первым и единственным из русских ученых (См.: *Памяти Р.* Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013).

⁴⁵ *Шевченко М. М.* Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 304.

⁴⁶ *Уваров С. С.* Литературные воспоминания // *Его же.* Избранные труды... С. 517–518.

Портрет А. Н. Оленина.
Фотогипия с литографии. А. Зенефельдер
с рисунка Антонена, 1825 г.

отдававшего предпочтение классицизму XVIII в. Неоклассицизм, сочетавший ориентацию на классический идеал античного искусства и поиск канона русского искусства, значительно повлиял на формирование у Уварова национально ориентированного мировоззрения, нашедшего законченное выражение в концепции триады.

Кружок Оленина был одним из самых ярких литературных салонов той замечательной эпохи. Кроме него, в мемуарах Сергей Семенович отмечает «Общество любителей русского слова», где он также состоял, собиравшееся в доме на Фонтанке у «важного двигателя тогдашней литературной деятельности» Г. Р. Державина. Эти объединения, по мнению Уварова, свидетельствовали

«об общей в то время, на всех ступенях общества, склонности к занятиям литературным, <...> которою отличалась по преимуществу эпоха от Ломоносова до Державина»⁴⁷. В воспоминаниях он не только подчеркивает большое воздействие таких кружков на общественную духовную атмосферу, но и отдает им явное предпочтение перед официальными государственными учреждениями, получившими широкое распространение еще в Екатерининскую эпоху, с утверждением в России европейского просвещения и его социальных институтов: «Частные, так сказать, домашние общества, состоящие из людей, соединенных между собой свободным призванием и личными талантами и наблюдающих за ходом литературы, имели и имеют не только у нас, но и повсюду ощутительное, хотя некоторым образом невидимое, влияние на современников. В этом отношении академии и другие официальные учреждения этого рода далеко не имеют подобной силы»⁴⁸.

Пожалуй, наиболее знаменитым стало «Арзамасское общество безвестных людей», образованное 14 октября 1815 г. и объединившее сторонников крупнейшего русского писателя-сентименталиста Н. М. Карамзина, чье значительное идейное влияние на С. С. Уварова еще недостаточно изучено. Уваров, получивший среди товарищей прозвище Старушка⁴⁹, был не только инициатором создания общества, активнейшим участником заседаний, которые чаще всего происходили в его петербургском или загородном домах, но и негласным руководителем, первым президентом. Среди деятельных

⁴⁷ Уваров С. С. Литературные воспоминания... С. 517.

⁴⁸ Там же. С. 519.

⁴⁹ Каждый член общества носил имя из баллад В. А. Жуковского. Сам Василий Андреевич именовался Светланой, Д. Н. Блудов — Кассандрой, Д. В. Дашков — Чу, Ф. Ф. Вигель — Ивиковым журавлем, П. А. Вяземский — Асмодеем, А. С. Пушкин — Сверчком и т. д.

членов «Арзамаса» можно отметить корифеев русской поэзии — В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина.

На склоне лет мыслитель вспоминал дружеский, домашний характер общества и горячий интерес всех его участников к проблемам российской словесности: «Это было общество молодых людей, связанных между собой одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории и собиравшихся вокруг Карамзина. <...> Направление этого общества или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно критическое. Лица, составлявшие его, занимались: строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка»⁵⁰.

Таким образом, в литературной среде образовался уникальный дух арзамасского братства, выражавшийся в благородстве и широте взглядов и преданности национальным идеалам, и распространившийся за пределы литературы. В области словесности его олицетворяли А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков; в сфере же политики главным выразителем «арзамасского духа» стал С. С. Уваров⁵¹. Однако он стремился не допустить превращения «Арзамаса» из чисто литературного общества в политический салон, как того желали будущие декабристы Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов.

Авторитет Сергея Семеновича как знатока классических древностей был непререкаем как в образованных петербургских кругах, так и среди ведущих литераторов. Поэты считали его своим вдохновителем и посвящали ему стихотворения. Так, один из крупнейших российских поэтов начала XIX в. К. Н. Батюшков отмечает поэтическую и художественную одаренность молодого ученого и сановника, и его духовную связь с миром античной культуры:

Среди трудов и важных муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус;
Еще он любит голос лирный, <...>

Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом;
Под сумрачным родился небом,
Но будто в Аттике рожден.

(К. Н. Батюшков, «С. С. Уварову», вторая половина 1817 г.)⁵².

⁵⁰ Уваров С. С. Литературные воспоминания... С. 516.

⁵¹ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 44.

⁵² К. Н. Батюшков сохранил теплые чувства к С. С. Уварову на всю жизнь. В 1818 г. он писал А. И. Тургеневу: «Не могу удержаться перед Вами, сколько я ему благодарен! Сколько я ему обязан за его внимание и снисхождение! Он ободрял меня как поэта и человека, хвалил меня прежде, чем узнал, и, узнав, конечно, полюбил. Ему обязан я лучшими минутами в вашем Питере, и воспоминание об них сохраняю долго в уме

Уваров оказал огромное влияние на развитие русских поэзии и перевода, в частности, на знаменитые переводы из Гомера Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского. Известный поэт и журналист, близкий к кругу Жуковского, Александр Федорович Воейков в своем «Послании к Уварову» 1818 г. подчеркнул как литературную одаренность видного участника кружка, так и важную идейную связь русской культуры с греко-византийским наследством, находившуюся в поле зрения адресата послания.

Муз благодатных славный любимец, владеющий лирой,
Даром языков и грифелем Клии, Уваров! постыдно
Великолепный российский язык, сладкозвучный и гибкий,
Сделать рабом французской поэзии жалкой, нескладной,
Рифмой одной отличенной от прозы. Не нам пресмыкаться!
Льзя ль позабыть, что законные мы наследники греков?
Нам с православием вместе науки они завещали —
И сохраним в чистоте наследное наше богатство! <...>

Участь русской державы и русской словесности сходны:
Долго владычество чуждое Русь ярмом тяготило!
Нас, несогласных, татары, быстро нахлынув, пленили;
Россы, оковы татар разорвав, их самих оковали.
Нам, не радевшим о чести народной, о славе престола,
Дали сарматы царя и красной Москвой овладели.
Иго сарматское сбросили мы; но, приняв от французоз
Моды и образ их мыслей, снова стали рабами.
Галлы, тяжелую цепь наложив на поэзию нашу,
Видя, что мы отступили от древних обычаев русских,
Дать и царя своего и уставы свои возмечтали...
Но орел встрепенулся, расторгнул железные путы,
Крикнул германским орлам знакомым им голосом славы
И, распутив могучие крылья, стал над Парижем. <...>

Честь и слава тебе, Уваров, славный питомец
Эллинских муз и германских! Ты, испытательно вникнув
В стопосложение греков, римлян, славян и германцев,
Первый ясно увидел несовершенство, и вместе
Способ исправить наш героический стих, подражая
Умным германцам, сбросившим иго рифмы-гремушки,
Освободившим слух свой от стука ямбов тяжелых...

(А. Ф. Воейков, «Послание к С. С. Уварову», 1818 г.).

и сердце» (Батюшков К. Н. Письмо А. И. Тургеневу [исход июня 1818 г. Полтава] // *Его же. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1886. С. 510).*

С 1810 по 1821 г. С. С. Уваров служит по ведомству народного просвещения. 31 декабря 1810 г., в возрасте 24 лет, он получает назначение на должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с производством в чин действительного статского советника. В Табели о рангах это был гражданский чин 4-го класса, соответствовавший воинскому званию генерал-майора и контр-адмирала во флоте, и титуловался как «Ваше превосходительство»; по должности его обычно занимали губернаторы и градоначальники. Сам Уваров «первой услугой», оказанной им народному просвещению, называет основание в 1817 г. в Петербурге Педагогического института, преобразованного им же в 1819 г. в университет. Сергей Семенович признается, что «много труда положил, чтобы учение в этом новом заведении было основательное и классическое, что одно только может способствовать к развитию человеческого ума»⁵³.

Среди главных достижений Уварова на этом посту можно отметить: введение института наставничества в средних и высших учебных заведениях, учреждение учительских семинарий, повышение жалования учителей гимназий и университетских преподавателей, расширение программ классических гимназий, повышение на всех ступенях образования роли русского языка, усиление роли попечителей в управлении университетами и школами, привлечение дворянской молодежи в государственные учебные заведения с целью ее подготовки к гражданской службе и др.⁵⁴ В совокупности перечисленные меры представляли собой целостную стратегию образования, которую сановник разрабатывал на протяжении всей жизни и последовательно воплощал на всех занимаемых им постах, особенно — в качестве министра.

В эти годы С. С. Уваров выступил с несколькими публичными речами, имеющими прямое отношение к вопросам образования и науки и отражающими его идейную эволюцию. Речь «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» вышла отдельным изданием на французском языке в 1813 г. и раскрывала одно из главных положений философии образования Сергея Семеновича — приоритет государственного образования и воспитания над частным, в особенности в преподавании исторических дисциплин: «В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное»⁵⁵. Вторым ее важнейшим тезисом является необходимость преемственности и постепенности в прохождении трех уровней системы образования — народных училищ, гимназий и университетов: «Постепенность необходимо нужна между ними — так, чтоб народные училища приуготовляли к гимназиям, а гимназии — к университетам»⁵⁶.

По мысли Уварова, преподаватель истории должен проливать «на сей огромный хаос благодетельный луч религии и философии. С сими двумя

⁵³ Погodin М. П. Для биографии графа С. С. Уварова... Стб. 2104.

⁵⁴ Виттекер Ц. X. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 148.

⁵⁵ Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Его же. Избранные труды... С. 204.

⁵⁶ Там же.

светилами может человеческий ум найти везде успокоение и достигнуть до той степени убеждения, на которой человек почитает сию жизнь переходом к другому, совершеннейшему бытию»⁵⁷. Таким образом, он не просто допускает философию в «высший, окончательный курс» системы образования, но считает ее обязательной для прояснения хаоса исторических событий. По сути, здесь говорится о философии истории, к разработке которой ученый тяготел на протяжении всего своего интеллектуального пути⁵⁸. Однако необходимость изучения философии отстаивается им только для системы высшего университетского образования, тогда как на низших уровнях — приходских училищ и гимназий — более важное значение придается соответственно священной истории и российской истории.

Интерес Уварова к философии истории в 1810-е гг. во многом был обусловлен влиянием историософии Ф.-Р. Шатобриана и Ф. Шлегеля, а также концепцией национального государства И. Фихте. Под влиянием наполеоновских войн начало XIX в. стало временем бурного роста национального самосознания народов Европы. Происходит разочарование в идеале «всемирного гражданства», который пытались утвердить философия Просвещения и французская революция, причем в авангарде этого процесса национального пробуждения оказалась немецкая философия. Фихте в «Речах к немецкой нации» (1808) рассматривает такие понятия как «народ», «Отечество», «нация»; ставит вопрос: «Что такое любовь к Отечеству?». При этом национальность трактуется им не как этнографическое или политическое явление, но как мировоззренческое понятие, и мыслитель одним из первых в Европе приходит к идее, что подлинное национальное самоопределение народа достижимо лишь посредством образования и воспитания. Среди ключевых идей философии Фихте выделяется также представление о государстве как главном субъекте процесса воспитания и образования и убеждение, что понимание народом собственной истории является необходимым условием национального развития. Все эти три момента — идея национального воспитания и образования, главенствующая роль в нем государства и внимание к изучению истории народа — органично войдут в философию образования С. С. Уварова.

Возвращаясь к ней, нужно отметить, что основу отечественного образования, по мнению Уварова, должны были составлять русский и классические языки, всеобщая история и история России, география, математика, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность, Закон Божий. Сергей Семенович полагал, что воспитание подрастающего поколения в «народном духе» поможет оградить Россию от революционных потрясений, и призывал всех учителей на занятиях «возбуждать и сохранять»

⁵⁷ Уваров С. С. О преподавании истории... С. 212.

⁵⁸ Уваров рассматривает историю как циклический процесс, движение к «истинному просвещению». Полагая в основание исторического процесса понятие «цивилизации», он выступает одним из предшественников цивилизационного подхода к культуре, который впоследствии развивали такие классики европейской культурфилософии XX столетия как О. Шпенглер и А. Тойнби (См.: Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 69).

национальный дух «сколько можно». Преподаватель, следующий этому совету, «делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений»⁵⁹.

Изданную брошюру с речью будущий министр отправил на суд глубоко чтимого им поэта В. А. Жуковского и получил в ответ не только слова ободрения («Вы можете много сделать для просвещения нашего Отечества»), но и весьма полезное замечание: «Без просвещения, без нравственности, без твердого национального характера (которые могут нам быть возвращены одним только воспитанием) не может быть и могущества. Без них огромность империи есть только материал для огромных развалин. Просвещение родит в нас уважение к самим себе...»⁶⁰.

Как сказано выше, по инициативе С. С. Уварова Главный педагогический институт в Петербурге был преобразован в университет (хотя противником этого выступал тогдашний министр народного просвещения и духовных дел князь А. Н. Голицын). 8 февраля 1819 г. Александр I утвердил представленный Уваровым проект временного устава учебного заведения. В речи на открытии университета, обращаясь к студенчеству, мыслитель так сформулировал свой девиз: «Свобода без буйства, любовь к Отечеству без предрассудков, закон без лицепрятия, философия в согласии с верою, просвещение и нравственность»⁶¹. Главными целями были названы: «Распространение здравых начал нравственности, на религии основавшейся; введение основательного, классического образования, а через оное — приобретение всеобщей доверенности и усовершенствование нового университета во всех его отраслях»⁶². Современники отмечали, что Уваров пекся о Санкт-Петербургском университете как добрый отец, и его заслуги подобны заслугам Ломоносова перед Московским университетом.

Отдельно следует сказать о некоторых трудностях в государственной деятельности выдающегося просветителя. Упомянутый князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844), будучи близким другом императора Александра I, на протяжении полутора десятилетий занимал ключевые государственные и общественные посты — обер-прокурора Святейшего Синода, президента Российского библейского общества, министра духовных дел и народного просвещения (1817–1824) и др. Под его контролем долгое время находились печать, книгоиздание, учебные заведения — вся та сфера, которой фактически посвятит жизнь Уваров. По собственному признанию, в молодые годы Голицын не отличался религиозностью, был гедонистом и вольнодумцем; его утвердившееся к 1812 г. религиозное мировоззрение сформировалось под воздействием европейского мистического масонства, в первую очередь

⁵⁹ Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию... С. 212.

⁶⁰ Цит. по: Березкина С. В. Отклик В. А. Жуковского на брошюру С. С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813) // Жуковский: исследования и материалы. 2013. № 2. С. 154.

⁶¹ Цит. по: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России... Т. 2. С. 767.

⁶² Цит. по: Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 102.

Князь А. Н. Голицын.
Гравюра Т. Райта с портрета К. Брюллова,
между 1840 и 1844 г.

розенкрейцерства. Знакомясь с западной мистической литературой, князь «начал постигать, что в многообразии мира наружного скрывается еще более многообразный мир внутренний»⁶³, и принял теорию т. н. «внешней и внутренней Церкви», согласно которой двум человеческим природам — внешней и внутренней — соответствуют две Церкви: внешняя, т. е. формальная религиозная организация, и внутренняя — мистический союз во Христе⁶⁴. Следствием увлечения этой теорией у Голицына стало явное предпочтение традиционным христианским Церквам маргинальных религиозных движений и сект, а также убежденный экуменизм и эсхатологизм. После обращения в 1812 г., во время нашествия Наполеона, в свою «мистическую веру» императора Александра он обрел мощные государственные рычаги для воплощения в России излюбленной мистико-космо-

политической идеологии. В частности, как утверждает Е. Ю. Назаренко, уже к 1817 г. Голицыну в ранге министра удалось уравнивать с юридической точки зрения православие и другие официальные христианские конфессии Российской империи⁶⁵. Политика возглавляемого князем «сугубого» министерства (духовных дел и народного просвещения) была направлена на «евангелизацию» процесса образования, являясь способом реализации принятого религиозного курса.

Будучи несогласным с этой политикой, 2 апреля 1821 г. С. С. Уваров подал прошение об отставке, через несколько месяцев подписанное императором. В полемике Уварова с Голицыным раскрываются две различные концепции философии образования. В противовес экуменической теории «универсального христианства», Сергей Семенович уже в тот ранний период своей деятельности старался направить общественное сознание и государственный интерес к национальной традиции, «обрести, наконец, самобытность». Именно в национальном характере он видел силу, способную противостоять революциям, — это «особые свойства русского народа»; его «счастливое недоверие» ко всему, стремящемуся поколебать «живую веру к Церкви и наследственную любовь к государям»; его непричастность «к заблуждениям, издавна терзающим Европу».

⁶³ Голицын А. Н. Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 3. С. 89.

⁶⁴ Назаренко Е. Ю. Мистический консерватизм: к характеристике мировоззрения князя А. Н. Голицына // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 137.

⁶⁵ Там же. С. 140.

Назначенный на место Уварова попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрий Павлович Рунич (1778–1860) учинил настоящий разгром новообразованного Петербургского университета⁶⁶. В частности, он обвинил в преподавании «богохульственных и пагубных доктрин» и в «противохристианской проповеди» четырех его профессоров — А. И. Галича, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева и Э. Раупаха, якобы читавших лекции «в духе, противном христианству». В письме Александру I выступивший в защиту гонимых ученых Уваров так охарактеризовал Рунича и его сподвижников: «Прирожденные враги всякого позитивного порядка и, следовательно, друзья тьмы, прикрываются самыми святыми именами, чтобы завладеть властью и подорвать существующий порядок в его основании; <...> притворяются, будто защищают трон и алтарь от несуществующих посягательств и в то же время сеют подозрения против истинных столпов престола и алтаря; ловкие комедианты, принимающие любое обличье, чтобы смутить каждую душу, встревожить каждый ум, и создающие теперь вокруг себя химерические опасности...»⁶⁷. Возмущенный Уваров требовал в случае доказательства виновности профессоров предать суду и его самого как ответственного за формирование педагогического состава. В результате его смелого вмешательства это преследование было прекращено.

Также важно отметить, что в Александровскую эпоху будущий министр просвещения одним из первых в России призывал отказаться от популярных среди просветителей XVIII в. представлений о Средневековье как «темных веках» Европы. Предвосхищая О. Шпенглера⁶⁸, он пишет, что Французская революция знаменует собой конец, гибель, закат великой европейской культуры, вскормленной христианством. Россия же — «младший сын в многочисленном европейском семействе», который «в течение одного столетия превзошел своих братьев и, сохранив в своих учреждениях, в своих нравах след душевной юности, ныне алкает просвещения» и держит будущее Европы в своих руках⁶⁹.

Уваров уподобляет политику российского правительства процессу воспитания, направленному на «премудрое» смягчение перехода от одного возраста к другому, охранение неопытности, открытие способностей ума, предупреждение опасностей и заблуждений. Прислушиваясь к гласу истории, учась на ее великих примерах, каждый найдет в них «побуждения более любить свое Отечество, свою веру, своего государя», предпочитать «честь народную своей собственной жизни, благородство чувств и независимость духа — всем благам мира, истину и добродетель — всем обольщениям страстей»⁷⁰.

⁶⁶ Воззрения Рунича остроумно высмеял поэт А. Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших»: «Вижу бесов пред собою; / От ученья сгинул свет... / Этой тьме Невтон виною / И безбожник Боссюэт! / Локк запутал ум наш в сети, / Геллерт сердце обольстил; / Кантом бредят даже дети, / Дрекслер нравы развратил!»

⁶⁷ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 97.

⁶⁸ «Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость» (*Уваров С. С.* Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года // *Его же. Избранные труды...* С. 271).

⁶⁹ Там же. С. 270.

⁷⁰ Там же. С. 271.

Давая оценку консервативному мировоззрению С. С. Уварова 1810-х гг., содержащему элементы историософии и философии образования, исследователи выделяют ряд особенностей: опору на традицию и органическое формирование общественно-политических связей; понимание истории как истолковательницы и провидицы событий («Внимайте гласу истории!»); представление «истинного просвещения» залогом «благоденствия» государства; утверждение сильного централизованного государства как формы общественного бытия⁷¹.

Кроме того, важным компонентом консервативной философии образования мыслителя в этот период был патернализм, выразившийся в идее «истинной монархии», когда государь находится во главе движения общества к «истинному просвещению». Монархии, полагал Уваров, «лучше приспособлены к человеческой природе»: тирании и деспотии унижают человеческую натуру, демократии и республики дают слишком большую свободу, аристократия правит только в собственных интересах, и лишь монархи, если они руководствуются народным духом, способны обеспечивать своим подданным «свободу от произвола»⁷².

В этой связи интересна полемика русского консерватора с европейскими философами и политиками-республиканцами, сторонниками Наполеона. Примечательно, что она имела не отвлеченный характер, а была связана с деятельностью императора Александра I, 25-летнее царствование которого представляло собой сложную и противоречивую картину духовных исканий и политической борьбы. Наполеон называл его «изобретательным византийцем»; «сфинкс, не разгаданный до гроба», — сказал о нем Вяземский; «к противочувствиям привычен, в лице и жизни арлекин», — писал о нем Пушкин. Прот. Г. Флоровский определяет александровское время как эпоху мечтаний, «грез и вздохов, видений, провидений и привидений... <...> Сентиментальная впечатлительность скрещивается с эсхатологическим нетерпением. <...> Идея Провидения получает в сознании тех поколений некий суеверный и магический отблеск»⁷³. Как вспоминает Уваров, «большинство мечтаний, порожденных во мне эксцентричными настроениями императора Александра, исчезло, и, конечно, я должен был бы изнемогнуть перед таким количеством следовавших одна за другой ошибок, если бы не обрел в жизни учено-литературной крепкого и надежного убежища, доступ в которое был загражден от внешних перипетий»⁷⁴. Однако в течение всей жизни Сергей Семенович оставался просвещенным вельможей Александровской эпохи, а личность самого «державного сфинкса»⁷⁵ воплощала для него лучшие качества всех «просвещенных властителей России». Он причислял себя «к поколению, которое 25 лет любило, думало, страдало, побеждало вместе с Александром»⁷⁶. В 1826 г.

⁷¹ Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 63–64.

⁷² Там же. С. 76–78.

⁷³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 128–129.

⁷⁴ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 304.

⁷⁵ «Мудрый монарх», «герой в порфире», «гражданин на троне», «миротворец на поле брани», «законодатель и просветитель» (Уваров С. С. Речь президента Императорской Академии наук... С. 252–274).

⁷⁶ Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 120.

в Торжественном собрании, посвященном 100-летию Академии наук, Уваров с гордостью говорил: «Кто из русских не вспомнит с восторгом о тех годах испытаний, в коих Отечество наше, спасенное Александром, вместе с ним достигло высшей степени чудесной, неподражаемой славы; <...> кто не вспомнит с чувством умиления и признательности о тех годах мира и тишины, в коих с доверенностью, с жаром, с исполинскою силою души благородной Александр ознаменовал уже сию державу порывом ко всему высокому и прекрасному!»⁷⁷

Но, как опытный политик и глубокий консервативный мыслитель, он видел и слабые стороны монарха. В неопубликованном трактате 1831 г. «Этюды об императоре Александре» Уваров критикует слепую приверженность государя абстрактным европейским теориям, «нескольким абсолютным формулам, не допускающим никаких изменений»: «Все прекрасные качества души Александра — гуманность, чувствительность, храбрость, живой ум — теряли много от того, что у него не было одного — русской фибры»⁷⁸.

Портрет императора Александра I.
Неизвестный художник, начало XIX в.

* * *

12 января 1818 г. Высочайшим указом С. С. Уваров назначается президентом Императорской Академии наук (ИАН) и остается на этом посту 37 лет, до 1855 г. — дольше, чем кто-либо другой. ИАН, созданная еще по указу Петра I в 1724 г., переживала на тот момент не лучшие времена. После отставки в 1810 г. сподвижника императора Александра графа Н. Н. Новосильцева, она восемь лет не имела руководства и «с трудом поддерживала славу, которой пользовалась в чужих краях, благодаря нескольким знаменитым именам, украсившим ее списки»⁷⁹.

Новый президент сразу же составляет записку о положении дел в Академии, где обращает внимание на царящий в ней беспорядок и запустение: «...Дух безначалия <...> еще более чувствителен по части ее ученых занятий. Неуважение к общему мнению, частые ненависти и приязни, издавна совершаемый недостаток единодушия прекратили всю деятельность Академии.

⁷⁷ Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 121.

⁷⁸ Там же. С. 122.

⁷⁹ Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения на 1843 год. СПб., 1843. С. 15.

Надобно признаться, что первый зародыш сего беспорядка лежит в продолжительном неимении начальника и, некоторым образом, может быть, в самом Уставе Академии; ибо неразделение Академии на классы (что везде и всегда есть, было и будет) производит большое неудобство ученых собраний, в коих химик должен слушать чтения о народонаселении, ориенталист — новый эксперимент о теплотворе. Какого же тут ожидать единодушия или участия?»⁸⁰.

Для привлечения внимания к деятельности учреждения Уваров вводит практику рассылки академической периодики и сочинений академиков крупнейшим российским и европейским научным центрам и университетам, а также августейшим особам. Кроме того, он инициировал принятие в члены Академии выдающихся ученых: Н. М. Карамзина, создателя физической географии А. Гумбольдта, французских востоковедов Сильвестра де Саси и Луи-Матье Лангле, эллиниста Ф. Б. Грефе и др.

Стремясь направить ход российского просвещения и науки от современной Европы к истокам и традициям русской образованности, Сергей Семенович всячески поощрял изучение христианских древностей, византиноведение. Благодаря его энергичным усилиям 8 января 1836 г. ИАН получила новый штат и устав (действовавший до 1927 г.), согласно которому увеличились расходы на ее содержание.

В 1841 г. в результате присоединения к возглавляемой Уваровым Императорской Академии наук, по распоряжению императора Николая I, Российской Академии (после смерти ее президента А. С. Шишкова) в ней появилось Отделение русского языка и словесности (III Отделение). По инициативе Уварова в его состав вошли: прославленные поэты — И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский; видные историки и филологи — М. П. Погодин, П. М. Строев, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, К. И. Арсеньев; выдающиеся проповедники — митрополит Филарет (Дроздов), епископ Иннокентий (Борисов). Членами-корреспондентами Отделения стали известные лингвисты — В. И. Даль, П. И. Шафарик, В. Караджич и др. На 100-летний юбилей Академии в 1826 г. президент пригласил императора Николая I, великих князей Константина и Михаила и наследника престола великого князя Александра Николаевича, которые были избраны ее почетными членами. Таким образом он утвердил европейскую традицию покровительства царствующих династий научным учреждениям, и впоследствии многие Романовы поощряли развитие наук⁸¹. Благоклонное отношение царствующего дома и в особенности Николая I значительно повысило престиж Академии в России и Европе, а ее глава получил ряд высоких оценок своей деятельности и от современников, и у более поздних историков. Так, авторитетный историк науки академик В. И. Вернадский считал, что «президентство

⁸⁰ [Уваров С. С.] Краткая записка об Императорской Академии наук в Петербурге С. С. Уварова // Чтения общества истории и древностей Российских. 1865. Отделение 3. С. 338. Цит. по: Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 16.

⁸¹ Достаточно вспомнить великого князя Константина Константиновича, в 1889 г. назначенного «августейшим президентом» ИАН.

Уварова действительно составило эпоху в истории Академии», а его роль как руководителя была первостепенной⁸².

* * *

Во время столкновения с «мистической партией» Сергей Семенович обрел неожиданного союзника в лице будущего императора великого князя Николая Павловича, пребывавшего на тот момент в тени своего старшего брата и не имевшего серьезного влияния на государственную политику. Как вспоминает Уваров, «великий князь Николай открыто заявлял себя на моей стороне и на своих довольно ограниченных тогда административных должностях выступал против тех интриг, с которыми я боролся. Это обстоятельство, разумеется, поставило меня с ним в отношения до некоторой степени конфиденциальные, причем настолько, что когда он внезапно вззошел на престол, я, несомненно, находился в списке тех, на ком предполагалось основать новое управление империей»⁸³.

Однако положение мыслителя при новом государе изменилось не сразу. Сначала не получив никакой значительной должности, первые годы николаевского правления он провел, путешествуя по России и продолжая писать. «Мало-помалу, — вспоминал будущий министр, — я удалился от двора и посвятил пять или шесть первых лет царствования императора Николая изучению за пределами Петербурга нашей страны, столь мало известной, от постижения реальных устоев которой я до тех пор был далек. Проводя по своему желанию большую часть года либо в моем пристанище в Поречье, которому заложил тогда основание, либо в путешествиях по стране ради наблюдения и изучения, я, когда появлялся при дворе, находил изысканный прием, но проводил там строго лишь самое необходимое время и возвращался к моим независимым занятиям. Те пять или шесть лет, которые я провел таким образом, мне доставили, осмелюсь сказать, точное и глубокое знание моей страны, которого без этого средства я никогда не смог бы достичь»⁸⁴.

Осмыслив и обобщив все увиденное, начиная с декабря 1828 г. Уваров посылает Николаю I через его приближенного сановника, руководителя тайной полиции графа А. Х. Бенкендорфа несколько писем, в которых критикует беспорядок в управлении государством и говорит о необходимости преобразований: «В наше время <...> политических бурь <...> угроза нового тиранства стала более реальная, чем когда бы то ни было. <...> Новые Наполеоны поднимут стяг мнимой свободы и возвысятся над миром, наша задача — посредством просвещения уберечь Россию и Европу от разрушения»⁸⁵.

Начало царствования Николая I стало для Уварова весьма плодотворным в литературном отношении. Среди наиболее значительных сочинений этого

⁸² Вернадский В. И. Очерки по истории Академии наук // *Его же. Труды по истории науки в России.* М., 1988. С. 242.

⁸³ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 305.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 118.

периода можно отметить: «Памяти императора Александра» (1826), «Этюды о России XIX века» (1828–1829), «Этюды об императоре Александре» (1831). Особый интерес представляет записка «О крепостном праве в России», написанная зимой 1830/1831 г. и нашедшая внимательного читателя в лице императора.

Прежде всего, Уваров определяет крепостничество как бесспорный факт русской истории и подробно разъясняет его возникновение: «Когда аристократия потеряла свои органические формы, когда духовенство не было больше основной частью государства, надо было заложить основание под огромную пирамиду, возвышавшуюся на их обломках; таким основанием было приписанье крестьян к земле. Если бы не укрепили привилегию территориальной собственности, в России был бы турецкий деспотизм или, скорее, Россия, отданная конфликту разбушевавшихся страстей и интересов, оказалась бы подчиненной иностранным державам или раздробленной на 20 различных государств. Из глубины наших политических бедствий возникло великое начало, единодушная воля к единству власти, естественный продукт наших долгих несчастий, нашего печального упадка. Все было принесено в жертву этому началу, <...> спасение России было тогда в энергичном сосредоточении верховной власти. После нашествия татар она впала в гражданскую войну, иностранную узурпацию, анархию; новый урок, который не пропал и подтвердил первый. В те две эпохи абсолютная власть, нечто вроде национальной диктатуры, единственная могла нас спасти от гибели. Михаил Романов, открыто избранный равными себе, был призван на трон не для того, чтобы основать республику, но чтобы помешать нам погибнуть под тяжестью нагромождения наших бедствий»⁸⁶.

Исходя из того что крепостничество выросло и укрепилось вместе с самодержавием, мыслитель предостерегает: «Если допускаешь, что крепостничество не выдерживает экзамена в теории, тем более надо также согласиться, что аргументов против неограниченной верховной власти хватает в сегодняшнем идейном арсенале; от одной теории — к другой, от одного исповедания — к другому, и вскоре обнаружишь, что дошел до полной перемены формы правления; счастье, если на этом стремительном спуске удастся избежать величайшего из угрожающих человеческому обществу бедствий, того бедствия, которое в наши дни сделалось, так сказать, автоматическим, обыкновенным...»⁸⁷. Под «величайшим» и «обыкновенным» бедствием Уваров подразумевает революции, охватившие ведущие европейские страны, в том числе и Россию, и в первую очередь — Июльскую революцию во Франции, которая сокрушила династию Бурбонов и упразднила господствовавшее положение католицизма как государственной религии, а также оказала огромное влияние на Италию, Бельгию, Германию и Польшу.

В то же время строг и беспощаден взгляд аристократа Уварова на современное ему российское дворянство, в котором он видит «лишь странную амальгаму»⁸⁸ элементов самых пустых и разрозненных, только корпорацию

⁸⁶ Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831) // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 350.

⁸⁷ Там же. С. 353.

⁸⁸ Ср.-век. лат. *amalgama* — сплав.

без нравственной силы, корпорацию полуразрушенную, обедневшую, которая живет лишь при помощи нескольких исторических иллюзий, кое-какого усвоенного просвещения и права помещицей собственности — единственного права, которое у него не похитило время. Можно ли добросовестно говорить об аристократии в стране, где в течение почти столетия она безразлично открыта всему свету <...> и где она имеет в качестве единственной гарантии превосходство своей цивилизации и невежество низших классов?»⁸⁹.

Выделив в решении вопроса об отмене крепостничества в России два ошибочных пути, один из которых опирается на насилие, а второй на обман⁹⁰, он намечает более реальный, на его взгляд, метод, состоящий в успехах цивилизации, в нравственном перерождении общества под воздействием христианства и политического образования. Согласно Уварову, цивилизация «с одной стороны, предназначена внушить господам нравственную невозможность продолжать отношения, которые не находятся больше в гармонии с их чувствами, также как и с их интересами, а с другой — поднять крепостных на такой уровень, где их освобождение делается дополнением их существования, а не сигналом к беспорядкам. <...> Надо, чтобы под ее влиянием господин и раб становились людьми духовно переродившимися, один — достойным дать свободу, другой — ее принять»⁹¹. Мыслитель ставит задачу «приближать всеми способами, которые Провидение дает в распоряжение людей, торжественный миг» освобождения крестьян: «Работать над свободой крестьян, просвещая и приучая их постепенно к их новому призванию; утвердить освобождение крепостных при поддержке всех классов, при самом широком учете общего и частного блага; избежать всего, что имеет вид меры произвольной или признака смут и волнений; действовать открыто и по принципам, твердо установленным; помногу выжидать время и не опережать естественный ход вещей, обеспечивая мало-помалу гражданское и политическое существование крепостных; одновременно обеспечить таковое же и для других классов; постепенно организовать всю совокупность учреждений государства — таковы, без всякого сомнения, искренние желания всех людей монархических, преданных государю и своей стране»⁹², — заключает Уваров.

Интересно его определение «истинной свободы»: «Свобода, друг порядка и мира, есть общий плод духовной культуры народа, его политического воспитания, его нравственного совершенствования. Это одеяние мужа, в которое облачаются нации, пришедшие в истинную зрелость. Провозглашение свободы есть только последний из актов, содействующих освобождению; им-то лишь восполняется и объявляет о себе вонне нравственная жизнь государств»⁹³.

⁸⁹ Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831)... С. 355.

⁹⁰ «Вырвать у высшей власти освобождение крепостных как единичный акт доброй воли — это был бы безрассудный государственный переворот, который вызвал бы самые серьезные беспорядки. Работать скрытно над освобождением крепостных, окутываться тайной, чтобы бесповоротно его добиться, было бы ненужным актом лицемерия, который скомпрометирует власть, не достигнув своей цели» (Там же. С. 358).

⁹¹ Там же. С. 356.

⁹² Там же. С. 358.

⁹³ Там же. С. 359.

Как отмечает историк А. А. Корнилов, сразу по вступлении на престол император Николай I обратил пристальное внимание на проблему народного просвещения, связав направление образования и воспитания подданных «с направлением политической мысли», и «задавался целью так поставить систему народного воспитания, чтобы она являлась системой, предотвращающей возможность развития всяких революционных стремлений»⁹⁴. А. В. Никитенко, служивший в то время секретарем при попечителе Санкт-Петербургского учебного округа К. М. Бороздине, писал в своем дневнике 1 января 1829 г.: «Твердая деятельность Николая произвела много перемен во внутреннем управлении. Он решает или по крайней мере старается решить в нем вопрос, который с коварным двусмыслием предлагали фанатики и поборники старых предрассудков: полезно ли России просвещение?»⁹⁵.

Указом государя от 14 мая 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений под председательством тогдашнего министра народного просвещения А. С. Шишкова. Целью органа являлись: унификация уставов учебных заведений, разработка единых программ, определение количества и объемов преподаваемых предметов. По личному распоряжению императора Уваров был назначен членом Комитета, и его активная деятельность, в первую очередь — решающий вклад в составление устава 1828 г., во многом подготовила его возвращение в Министерство народного просвещения. 21 апреля 1832 г. Сергей Семенович назначается товарищем министра, а 21 марта 1833-го — министром народного просвещения.

Граф Бенкендорф вспоминал разговор с императором, состоявшийся сразу после Июльской революции 1830 г. во Франции: «...Рассуждая о причинах этой революции, я сказал, что с самой смерти Людовика XIV французская нация, более испорченная, чем образованная, опередила своих королей в намерениях и потребности улучшений и перемен; что не слабые Бурбоны шли во главе народа, а что сам он влачил их за собою, и что Россию наиболее ограждает от бедствий революции то обстоятельство, что у нас со времен Петра Великого всегда впереди нации стояли ее монархи; но что по этому самому не должно слишком торопиться с ее просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление власти»⁹⁶. Такой взгляд разделяли многие представители высшей петербургской администрации, но С. С. Уваров, напротив, был убежден, что развитие образования и просвещение могут стать лучшей защитой государства от политических и социальных потрясений.

Известный правовед и либеральный философ Б. Н. Чичерин так изобразил тогдашнее положение Уварова: «Государя он боялся как огня; один из его приближенных рассказывал мне, что его трясла лихорадка всякий раз, когда приходилось являться к царю с докладом. Но тем более делает

⁹⁴ Корнилов А. А. Сергей Уваров и народное просвещение при Николае I. URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1122-narodnoe-prosveshchenie-pri-nikolae-i> (дата обращения: 10.10.2019).

⁹⁵ Никитенко А. В. Дневник. В 3-х т. Т. 1. Л., 1955. С. 85–86.

⁹⁶ Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1903. С. 287.

ему чести, что он всячески старался отстоять русское просвещение от суровых требований монарха. Он сам говорил Грановскому, что, управляя министерством, он находился в положении человека, который, убегая от дикого зверя, бросает ему одну за другой все части своей одежды, чтобы чем-нибудь его занять, и рад, что сам по крайней мере остался цел»⁹⁷. Однако сам министр видел в личном доверии Николая I главное условие своей успешной деятельности на высоком посту: «Его решительность мне гарантировала с самого начала ясное и определенное положение, <...> с самого начала передо мною было открыто достаточно широкое и основательное поле для того, чтобы я мог испытать собственные силы и дать моим идеям необходимое пространство для применения»⁹⁸.

Не меньшие затруднения для Уварова, чем «реакционная партия», в правительстве создавала «либеральная партия», приверженцы идей европейского Просвещения, которые стали прибегать к новым, более ухищренным интригам. Вот как он описывал эту борьбу: «В России, как и во всей Европе, начало века испытало рождение одной политической школы, которая под разными именами подчинялась одной и той же программе. Это были, под различными титулами, люди почти всегда благородного происхождения, которые непоколебимо верили, что великие беды, завещанные XVIII веком XIX-му, могут быть предотвращены несколькими общими формулами, какими-то негибкими абстракциями, применявшимися без различия во всех странах Европы. Эта универсальная панацея не допускала никаких видоизменений и должна была быть навязана без различия от одного конца Европы до другого, невзирая на историю и особенности жизни народов, и, образовав там собой нечто вроде социализма высшей политики, привести в каждой точке земного шара к полному перерождению существовавшие учреждения. <...> Эта школа, повсюду одна и та же, совершила вторжение и в наши дела. Намеревались утвердить силу и величие этой страны, столь мало сходной со всеми другими, на освобождении низших классов, которые не испытывали в этом нужды. Намеревались также

Портрет Николая I.
Худ. Ф. Крюгер, 1847 г.

⁹⁷ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Путешествие за границу. В 2-х т. Т. 1: Москва сороковых годов. М., 2010. С. 151–152.

⁹⁸ Шевченко М. М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6. Россия в николаевское время: Наука, политика, просвещение. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I. СПб., 1998. С. 112.

Кабинет С. С. Уварова в здании Министерства народного просвещения.
Худ. А. Ракович, 1847 г.

ограничить власть государя и договорились до свободы печати в стране, где народ еще полностью не знаком с алфавитом. Эта несвязная доктрина, поначалу принятая с энтузиазмом покойным императором, затем им же самим беспощадно запрещенная, как казалось, исчезла и была осмотрительно приговорена умереть. Когда же молодой император взошел на трон, те старые доктринеры появились вновь и с той непреклонностью, которая им свойственна во всех странах, попробовали возобновить с самого фундамента их старую программу»⁹⁹.

Другие сложности в намеченном Уваровым усовершенствовании высшего образования были связаны с несоответствием старого поколения преподавателей новым высоким требованиям. Об этом свидетельствует, в частности, в дневниковой записи от 14 мая 1832 г. профессор Петербургского университета А. В. Никитенко: «Уваров — человек образованный по-европейски; он мыслит благородно и как прилично государственному человеку <...>. С помощью его в университете принята и приводится в исполнение „система очищения“, т. е. увольнения неспособных профессоров. Толмачеву и Боголюбову уже велено подать в отставку. Пальмин отрешен»¹⁰⁰.

26 июля 1835 г. Николай I утвердил «Общий устав Императорских российских университетов», сыгравший важную роль в университетской реформе, которая, по словам С. С. Уварова, преследовала две главные цели: «Во-первых — возвысить университетское учение до рациональной формы

⁹⁹ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 307–308.

¹⁰⁰ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 117.

и, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой; во-вторых — привлечь в университеты детей высшего класса в империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами, уменьшить господство страсти к иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и наконец водворить как между молодыми людьми высших сословий, так и вообще в университетском юношестве стремление к образованию народному, самостоятельному»¹⁰¹. Таким образом, в рамках нового устава Сергей Семенович стремился воплотить идею создания русского национального университета и значительно ограничить прежнюю университетскую автономию. Еще М. А. Полиевктов справедливо отмечал, что «современный университет, высшее учебное заведение — в значительной степени детище николаевского царствования и прежде всего <...> преобразований 1835 г.»¹⁰².

Можно согласиться с мнением Ф. А. Петрова, что устав обуславливался двумя факторами, первый из которых — правительственная политика Николая I, распространявшая и утверждавшая принципы самодержавной государственности в сфере высшего образования. Согласно ей, устав определял профессоров уже не как представителей особого ученого сословия, а как государственных «чиновников по нравственной и ученой части». Вторая тенденция — это стремление профессуры к развитию науки и образования с оставлением университетской автономии, многие принципы которой сохранились (выборность ректоров, деканов, профессоров, преподавателей). В итоге устав 1835 г. представлял собой результат совмещения двух названных тенденций с некоторыми компромиссами с обеих сторон¹⁰³.

Отныне университеты состояли из трех факультетов — юридического, медицинского и философского, который включал естественные и гуманитарные дисциплины, в том числе философию. Выдающимся достижением нового устава и лично Уварова стало учреждение на философских факультетах трех новых кафедр — российской истории, российской словесности и истории русской литературы. Открытие кафедры российской истории в глазах Николая I решало задачу теоретического обоснования незыблемости самодержавной власти в России. Со своей стороны, Уваров, безусловно солидарный с царем в его охранительно-самодержавной политике, преследовал также научные, образовательные и воспитательные цели. Поэтому неслучайным выглядит выдвижение лично им уже в первые годы своего министерства двух талантливых историков — М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова. Примечательно, что оба этих ярких ученых, достигшие в николаевское царствование блестящего успеха, были выходцами из крепостного сословия.

¹⁰¹ Хотеев В. Ф., Чернета В. Г. Министр-реформатор граф Сергей Семенович Уваров // Очерки истории российского образования. В 3-х т. Т. 1. М., 2002. С. 216.

¹⁰² Полиевктов М. А. Николай I: [биография и обзор царствования]. М., 1918. С. 238.

¹⁰³ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России... Т. 3. С. 278.

М. П. Погодин. Литография.
Худ. Ф. Шир, 1846 г.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), консерватор, сторонник русской самобытности, стремившийся привить студентам любовь к отечественным древностям, возглавлял кафедру российской истории в Московском университете (1835–1844). В ходе длительного исследования древнерусских летописей Погодин пришел к пониманию коренного отличия русской и западноевропейской историй, а также особого характера отечественной истории, изложив свои тезисы во вводной лекции «Взгляд на русскую историю», прозвучавшей 8 сентября 1832 г. в присутствии тогда еще товарища министра народного просвещения С. С. Уварова. Речь произвела на Уварова сильное впечатление, и повлияла на его понимание триады и русской народности. В частности, по мысли Погодина, история должна стать «охранительницей

и блюстительницей общественного спокойствия». «Российская история — это мы сами, наша плоть и кровь, зародыш наших собственных мыслей и чувств, которые постепенно получили в нас настоящую степень своей зрелости. Изучая историю, мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. *Это книга бытия нашего*»¹⁰⁴. Несомненно влияние на Сергея Семеновича и раскрытой историком идеи провиденциализма, согласно которой «ни одна история не заключает в себе столько чудесного, <...> как российская», т. к. в русской истории господствует Божественный Промысел, Россию ведет «перст Божий <...> к какой-то высокой цели»¹⁰⁵.

Погодин также подчеркивал, что уникальное положение России, ее всемирное первенство неразрывно связано с самодержавным строем: «Кто помешает русскому царю решать судьбу Европы, судьбу всего человечества?»¹⁰⁶. В своих исторических трудах ученый утверждал принцип патернализма, проводя аналогию государства с семьей: «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь — отец, а подданные — дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их — общие»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Погодин М. П. Взгляд на русскую историю // *Его же*. Историко-критические отрывки [по русской истории]. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1846. С. 16.

¹⁰⁵ Там же. С. 10.

¹⁰⁶ Там же. С. 3–4.

¹⁰⁷ *Его же*. Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология. СПб., 2006. С. 636–637.

Николай Герасимович Устрялов (1805–1870), основоположник петербургской исторической школы, в царствование Николая I стал официальным «придворным» историографом Российской империи, продолжив дело Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина. С 1837 по 1859 г. возглавлял кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете; в 1837–1841 гг. опубликовал фундаментальный курс лекций в пяти томах «Русская история». Его учебные пособия для гимназий и училищ оставались официальными и единственными учебниками по русской истории до конца 1850-х гг. В своем классическом учебнике «Начертание русской истории для средних учебных заведений» Устрялов проводит мысль о стержневом характере православия и самодержавия для всей русской истории, как древней, допетровской, так и современной, послепетровской: «Древний русский мир исчез с большею частию его уставов, законов, форм, нравов, обычаев; впрочем, главные непременные условия русской жизни — религия и самодержавие — остались неприкосновенными»¹⁰⁸.

Как сказано выше, устав 1835 г. возобновил в российских университетах изучение философии, фактически упраздненное в начале 1820-х гг., во время гонений на университеты со стороны М. Л. Магницкого¹⁰⁹, Д. П. Рунича и деятелей «мистической партии» князя Голицына. Конечно, это не было восстановлением преподавания по прежним нормам устава 1804 г. начала царствования императора Александра I. В николаевской России философия должна была изучаться в виде, «очищенном от нелепостей новейших философов, основанном на истинах христианского учения и сообразном с правилами монархического правления»¹¹⁰.

По данному вопросу, как и по многим другим, Уваров занимал компромиссную позицию. Разумеется, он никогда не был гонителем философии, как некоторые его предшественники в Министерстве народного просвещения. Еще в 1826 г. в Комитете устройства учебных заведений он выступил против

Портрет Н. Г. Устрялова.
Худ. В. Тропинин, 1850 г.

¹⁰⁸ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1842. С. VIII.

¹⁰⁹ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) — в 1819–1826 гг. член Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения и попечитель Казанского учебного округа. Наряду с «положительными» науками, необходимыми для университетского курса, выделял и т. н. «мечтательные», к которым относил и философию. Требовал ее исключения из учебных программ, т. к. «нет никакого способа излагать ту науку только согласно с учением веры».

¹¹⁰ Цит. по: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России... Т. 3. С. 313.

Магницкого, требовавшего запрещения этого предмета. Уваров считал полезным утилитарное использование философии в образовании как способствующей развитию связи между различными науками. В то же время он отмечал, что увлечение новейшими идеями подталкивает студентов к отрицанию и голому критицизму, не позволяющему «довести свои аргументы и до половины умозаключения». Подобные полу-доводы есть «самое опасное для юношества», т. к. они могут привести его к «суетливому скептицизму, <...> постепенному истреблению всякого высшего убеждения в истине, справедливости, долге и вере, запустению и внутреннему раздору духа, недоверию ко всему, а часто даже холодной насмешливости над всем драгоценным и важным для человечества»¹¹¹. Таким образом, мыслитель решительно отвергает новейшие западные философские течения, противоречащие христианству, и подчеркивает, что «без веры ни одно гражданское общество не существовало и существовать не может»¹¹².

Интересна и практически не изучена тема отношения Уварова к преподаванию в университетах богословских дисциплин. Устав 1835 г. выводит кафедру богословия из упраздненного нравственно-политического факультета и ставит ее в особое положение, одновременно устанавливая четкие научные границы, включающие три предмета: догматическое богословие, церковную историю и — впервые в университетской программе — курс церковного права¹¹³.

К достижениям устава также относится увеличение материальной поддержки различных нужд университетов — ассигнования на библиотеки, лаборатории, музеи при университетах и прочие направления научной работы¹¹⁴. Как отмечает С. В. Рождественский, новым уставом «совершенно обновилась факультетская организация», «значительно улучшилось <...> материальное обеспечение университетов»¹¹⁵. Учебная нагрузка профессоров составляла восемь часов в неделю, а жалованье было увеличено вдвое; пенсия назначалась в размере полного оклада жалования. После многолетней службы многие профессора получали чин действительного статского советника¹¹⁶, т. е. университетская ученая карьера давала возможность получения дворянства и связанных с ним привилегий.

Известный историк профессор Московского университета Т. Н. Грановский дал уваровской системе образования следующую оценку: «Исключительное и вредное преобладание иноземных идей в деле воспитания уступило место системе, истекшей из глубокого понимания русского народа и его потребностей. Эта система, изгоняя из наших учебных заведений все

¹¹¹ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования... С. 313.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 345.

¹¹⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 248.

¹¹⁶ Гражданский чин 4-го класса Табеля о рангах, дававший право на потомственное дворянство и титуловавшийся «Ваше превосходительство». Соответствовал чином генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте, а также (по 1809 год) — придворному чину камергера.

ненужное, случайно занесенное извне, значительно усилила чисто научную и учебную часть. Неоспоримые факты доказывают, как быстро двинулась у нас наука в эти семнадцать лет и насколько стала она независимее и самостоятельнее. Обязанности русского преподавателя, от профессора университета до сельского учителя, были определены с возможной отчетливостью. Каждому указана была цель его трудов, состоявшая в преподавании слушателям нужных им знаний в надлежащей полноте и современном, достойном науки виде, без сторонних, не идущих к преподаванию примесей. Умственная связь России с европейской образованностью не была ослаблена, но отношение изменилось к нашей выгоде. Мы продолжали учиться у старших братьев наших, мы не отрелись от благ просвещения, но приобрели право критики и самостоятельного приговора»¹¹⁷.

* * *

Широкую известность С. С. Уваров получил как автор т. н. «русской триады» — начал, составляющих отличительный характер России и ей исключительно принадлежащих. Представляется, что триада стала плодом долгих раздумий и длительной идейной эволюции консервативного мыслителя.

Уже в статье 1814 г. «Император всероссийский и Бонапарте», противопоставляя Александра I и Наполеона, Уваров обличает Французскую революцию, произведшую «мрачное тиранство». Неудача французов в войне с Испанией нанесла первый удар по имени их предводителя, который проигнорировал принципы тройственного союза, объединившие весь испанский народ. «Вера, любовь к Отечеству и народная честь возбудили весь полуостров», — пишет Уваров¹¹⁸. Далее, в 1818 г. в уже цитированной программной речи в Главном педагогическом институте он, напомним, выражал надежду, что его соотечественники найдут в истории «побуждения более любить свое Отечество, свою веру, своего государя»¹¹⁹. В 1820-е гг. Уваров снова говорит о необходимости обратить взор общества и правительства на национальные традиции, «обрести наконец самобытность». Уже в 1821 г. он обозначает три приоритетных для России начала: «святая вера», «любовь к государям» и «особые свойства русского народа», пока еще не облеченные в четкую формулу «Православие. Самодержавие. Народность», но уже определившие ее смысл¹²⁰.

Впервые знаменитая триада упоминается в сохранившемся черновом автографе письма товарища министра (на французском языке) Николаю I, датированном мартом 1832 г.: «Чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила — нам осталось три великих государственных начала,

¹¹⁷ Грановский Т. Н. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // *Его же*. Сочинения. Изд. 4-е. М., 1900. С. 577–586.

¹¹⁸ Уваров С. С. Император всероссийский и Бонапарте // *Его же*. Избранные труды... С. 239.

¹¹⁹ *Его же*. Речь президента Императорской Академии наук... С. 271.

¹²⁰ Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 130.

а именно: 1. Национальная религия; 2. Самодержавие; 3. Народность»¹²¹. Вскоре, в отчете о ревизии Московского университета, представленном императору 4 декабря 1832 г., Уваров пишет о том, что «в нашем веке» необходимо «образование правильное, основательное», которое следует соединить «с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности»¹²². 21 марта 1833 г. уже в должности министра он издает циркулярное предложение, адресованное попечителям учебных округов, где говорится: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности»¹²³.

Формула С. С. Уварова имеет ярко выраженную антиреволюционную направленность и, в первую очередь, противостоит принципам философии французского Просвещения и знаменитой «триаде» Французской революции 1789 г. «свобода, равенство, братство». Особую актуальность уваровской концепции триады предавали революционные выступления 1830 г. во Франции и Бельгии и вооруженное восстание в Польше, а также для многих еще памятные события 1825 г. на Сенатской площади — т. н. «восстание декабристов».

Кроме того, формула Сергея Семеновича служила своего рода ответом «либеральным мистическим идеям», что было актуально в эпоху продолжавшегося даже после известного рескрипта 1822 г. императора Александра I «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» увлечения высшего сословия оккультизмом и западной нехристианской мистикой. Обращаясь к государю, уже в 1843 г. Уваров пояснял, что триада, утвержденная на православной вере, идейно преодолевает экуменические шараханья в политике министерства предыдущего царствования: «Направление, данное Вашим Величеством министерству, и его тройственная формула должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток либеральных и мистических идей: либеральных — ибо министерство, провозглашая самодержавие, заявляло твердое желание возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу во всем его объеме; мистических — потому, что выражение “православие” довольно ясно обнаружило стремление министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий Церкви. Наконец, и слово “народность” возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что министерство считало Россию возмужалою и достойною идти не позади, а, по крайней мере, рядом с прочими европейскими национальностями»¹²⁴.

¹²¹ Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100.

¹²² Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 348–349.

¹²³ [Уваров С. С.] Циркулярное предложение г. Управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. XLIX.

¹²⁴ *Его же*. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843... С. 419–420.

Как отмечает историк Э. Д. Фролов, главное в этой концепции — указание на необходимость при любом движении вперед, при всякой реформе, направленной на дальнейшую модернизацию и европеизацию России, обязательно учитывать самобытность ее уклада¹²⁵. «Во всем пространстве государственного хозяйства и сельского домоводства, — заявлял Уваров, — необходимы: русская система и европейское образование; система русская — ибо то только полезно и плодовито, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование европейское — ибо больше как когда-нибудь мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов Отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти, но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего»¹²⁶.

Мыслитель не только видел в православии основной источник культурного, нравственного и политического единства российского общества, но и был убежден в его превосходстве над другими европейскими религиями, прежде всего протестантизмом. Лишь Православная Церковь в его понимании обладала «твердым составом»: «...В протестантизме это наоборот: там церковь не вмещает в себе правоверия протестантского, ибо главное протестантское начало, “что каждый судит по совести о предметах верования своего”, поставляет церковь как будто в вечное брожение. Тщетно искала бы она себе якоря посреди этого бесконечного волнения; этот якорь переломлен в первый день плавания. Нельзя не признать, что дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. Рационализм, т. е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый ряд сект, испуганных заблуждением протестантского духовенства и которые, по естественному порядку вещей, бросились в противоположную крайность»¹²⁷.

Православие неслучайно занимает в уваровской триаде первое место. Воочию лицезревший пагубность для европейских народов безбожия, ведущего их к революциям, и в своих путешествиях глубоко изучивший Россию, Уваров хорошо понимал, что только родная православная вера способна спасти русский народ от разгула языческих стихий. Он определяет веру как главное средоточие, «сердце» всей народной жизни: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть; ослабить в них веру — то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце»¹²⁸. По его мысли, отвержение народом своей исконной веры неизбежно ведет его к гибели. И здесь Сергей Семенович по праву может быть назван предшественником Ф. М. Достоевского, который видел в словах «русский» и «православный»

¹²⁵ Фролов Э. Д. Истоки русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2005. № 4. С. 67.

¹²⁶ Цит. по: Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 117.

¹²⁷ Там же. С. 112–113.

¹²⁸ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения, от 19 ноября 1833 г. // *Его же*. Государственные основы. М., 2014. С. 104.

синонимы и тесно связывал веру и народность («...кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога»¹²⁹; «С православием наша народность имеет мировое значение»¹³⁰).

Самодержавие Уваров определяет как важнейшее «условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия <...>. Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного», и дух этот, утверждает он, должен «проникать народное воспитание и с ним развиваться»¹³¹.

Министр также акцентировал внимание на неразрывной связи самодержавия с учрежденной императором Петром I в 1722 г. «Табелью о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных». По его мнению, она составляла «твердую опору» для русского престола и представляла собой «нравственное достоинство» самодержавия, т. к. именно в ней «выражены начала» равенства перед законом и «каждый, в свою очередь, может проложить себе путь к высшим достоинствам службы»¹³².

В 1846 г. Николай I учредил Комитет по пересмотру «Устава о службе гражданской», задачей которого стало уничтожение гражданских чинов. Уваров отреагировал запиской на высочайшее имя от 7 ноября 1848 г. «О системе чинов в России», в которой доказывал, что система чинов есть важнейшее средство в руках правительства для воспитания в народе духа служения государству, и ее уничтожение неизбежно приведет к моральной деградации чиновничьего аппарата и к нарушению всего государственного устройства: «Мысль общая за полвека, что каждый русский подданный должен служить престолу, мысль, которая благоговейно руководит целыми поколениями, с уничтожением Табели о рангах, несомненно, ослабеет, <...> образуется новый разряд людей, <...> менее привязанных к правительству, а более занятых своими выгодами, <...> людей без прошедшего и будущего, <...> совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования»¹³³. С упразднением закона о чинах, по мнению Уварова, государева служба утратит «нравственное привлечение», станет бесчестной в глазах дворянства; даже его ограничение «возбудит множество тайных надежд и мечтаний». Новые чиновники, которые в Европе называются «Tiers-état или Bourgeoisie»¹³⁴, будут привязаны не к правительству, а к поиску собственной выгоды. Министр проводил весьма специфическую параллель между буржуазией и пролетариатом, проницательно опасаясь, что, хотя эти два «сословия» еще не имеют политического веса, именно они могут стать

¹²⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30-ти т. Т. 29. Кн. 1: Письма, 1869–1874. Л., 1986. С. 145.

¹³⁰ Там же. С. 146.

¹³¹ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843... С. 347.

¹³² Его же. О системе чинов в России, 7 ноября 1848 г. Цит. по: Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 147.

¹³³ Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет... С. 43.

¹³⁴ Третье сословие или буржуазия (фр.).

источником «губительных идей»¹³⁵. В итоге, благодаря оперативному вмешательству Уварова деятельность Комитета фактически прекратилась.

Если значение первых двух элементов уваровской триады было очевидно для большинства тогдашнего образованного общества и связывалось с консервативными идеями Н. М. Карамзина, то понятие народности, выдвинутое в официальных документах впервые, нуждалось в разъяснении. По прошествии пяти лет со дня своего назначения на министерский пост, в юбилейном отчете императору Уваров дал такое определение народности: «Дух русский, здравый, высокий в простоте своей, смиренный в доблести, непоколебимый в покорности закону, обожатель царей, готовый все положить за любезное Отечество»¹³⁶. Из рассуждений мыслителя о народности видно, что под ней он понимал национальные самобытность и самосознание, включающие в себя связь с национальными традициями, историческую память, представления о своем особом пути. Неслучайно, что в этом официальном документе, касаясь триады, он заменяет абстрактную «народность» более конкретным «духом русским».

Современные исследователи видят в формуле Уварова концепцию русской нации и развернутую программу «нациестроительства»¹³⁷, стремящуюся постепенно поставить все социальные и этнические группы под контроль системы народного просвещения, усматривая в единой политике Николая I и его министра «национальную революцию сверху»¹³⁸. Показательно, что в докладе 1843 г. Уваров заявляет о необходимости «развить русскую национальность на истинных ее началах и тем поставить ее центром государственного быта и нравственной образованности»¹³⁹.

В рамках реализации этой политики Сергей Семенович создает целостную систему русской национальной школы на уровнях среднего и высшего образования. Согласно его плану, была полностью разрушена монополия иностранных воспитателей и сформировано «природное русское» ученое сословие, «независимое в развитии умственной деятельности от влияний чуждых систем и примеров»¹⁴⁰. Важная роль в деле русификации образования отводилась университетам, прежде всего открытому Уваровым в Киеве Императорскому университету св. Владимира, созданному в качестве главного центра русского образования в противовес западному, преимущественно польскому влиянию. Русификация польской шляхты, по мысли министра, должна была «сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более

¹³⁵ Цит. по: *Зверева Н. А.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова... С. 147–148.

¹³⁶ *Уваров С. С.* Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 1. С. 7.

¹³⁷ *Холмогоров Е. С.* Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм... С. 88.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843... С. 161.

¹⁴⁰ Там же.

с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа»¹⁴¹. Однако, как отмечает современный исследователь, политика русификации польского дворянства не дала желаемых результатов, т. е. «умственного слияния» с «надлежащим перевесом русского», а выучившиеся в российских университетах польские студенты составили костяк руководителей и участников Польского восстания 1863 г.¹⁴²

В связи с широким развитием славяноведения и общественным сочувствием «угнетенным» славянским народам, в славянофильских кругах в 1840-е гг. получили распространение идеи панславизма — теории политического и культурного объединения славянского мира. Ввел термин словацкий писатель Ян Геркель в книге «Основы всеобщего славянского языка» (1826), а в России одним из первых теорию общности славянского мира озвучил в 1830-е гг. М. П. Погодин. Между тем, эти идеи противоречили концепции Священного Союза, которой во внешней политике вслед за своим братом императором Александром I продолжал придерживаться Николай I, а также принципу легитимизма¹⁴³, выдвинутому французским дипломатом Ш. М. Талейраном на Венском конгрессе 1814–1815 гг.

Весной 1847 г. в Киеве по обвинению в «революционном и коммунистическом духе» и «украинофильстве» были арестованы члены тайного политического Кирилло-Мефодиевского братства, в том числе историк Н. И. Костомаров и поэт Т. Г. Шевченко. В их проекте будущего политического всеславянского государства особая миссия отводилась украинскому народу, унаследовавшему от казачества демократизм и свободолюбие. В связи с этой историей Уваров выступает с циркуляром, адресованным попечителям учебных округов, в котором критикует популярную в определенных кругах идею всеславянского государства и выражает сожаление, что стремление к изучению языков и древностей славянских племен вышло за мирные пределы науки¹⁴⁴. Министр отвергает миф об общеславянской народности и призывает: «Независимо от общего славянства, в действительности не существующего <...>, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное, и не славяно-русское, а чисто-русское, непоколебимое в своем основании, собственно наша народность»¹⁴⁵. «Я обращаю слово, — пишет Уваров, — преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок

¹⁴¹ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 169.

¹⁴² Холмогоров Е. С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм... С. 97.

¹⁴³ От лат. *legitimus*, фр. *légitime* — законный. Принцип легитимизма, согласно которому признается историческое право династий на решение основных принципов государственного устройства, лег в основу созданного по окончании наполеоновских войн международного порядка.

¹⁴⁴ Уваров С. С. Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа // *Его же. Избранные труды...* С. 497.

¹⁴⁵ Там же. С. 499.

славный, но трудный: русский язык и русскую словесность с прочими соплеменными наречиями как вспомогательными средствами для родного языка, русскую историю и историю русского законодательства; им предпочтительно перед другими принадлежит возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических»¹⁴⁶.

Весьма значительно, но, к сожалению, мало изучено влияние уваровской концепции триады на русскую культуру: философию, литературу, литературную критику, исторические исследования, театр, музыку, живопись, скульптуру и т. п. Между тем даже такой радикальный критик триады как В. Г. Белинский, в последние годы жизни резко повернувший к атеизму и материализму, в 1834 г., т. е. в гегельянский период т. н. «примирения с действительностью», писал в «Литературных мечтаниях»: «У нас скоро будет свое русское народное просвещение, мы скоро докажем, что не имеем нужды в чужой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, подвижники царя на трудном поприще народоправления являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха и указывать путь к просвещению в духе православия, самодержавия и народности»¹⁴⁷.

По мнению М. А. Маслина, Уварова нельзя назвать единственным автором триады, которая не могла стать «идеологемой николаевского царствования» без одобрения дома Романовых, и серьезной интеллектуальной и информационной поддержки ряда крупных журналистов, литераторов, ученых и университетских профессоров, таких как А. А. Краевский, Н. И. Надеждин, В. П. Андросов, В. Ф. Одоевский и др.¹⁴⁸

Старший учитель российской словесности и логики в Московском дворянском институте Василий Степанович Межевич (1814–1849) в статье «О народности в жизни и в поэзии» (1835) так определил народность: «Это есть то основное начало жизни народа, из которого истекают, в котором сосредоточиваются все условия его деятельности — умственной и нравственной, политической; та заветная черта, то неизменное свойство, которые составляют физиономию народа, по которым нация относится к человечеству как вид к роду, часть — к целому, — к другой нации — как одно понятие к другому. Всякий народ имеет свой определенный путь, в жизни своей проявляет свою особенную идею: эта идея есть душа народа; итак, сознание этой души, сознание этой идеи — вот что составляет народность! Следовательно, народность есть идея нации»¹⁴⁹. Межевич подчеркивает, что такие области национального

¹⁴⁶ Уваров С. С. Циркулярное предложение попечителю... С. 500.

¹⁴⁷ Белинский В. Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) // *Его же*. Полное собрание сочинений. В 13-ти т. Т. 1: Статьи и рецензии; Художественные произведения: Дмитрий Калинин; Русская быль: 1829–1835. М., 1953. С. 88.

¹⁴⁸ Маслин М. А. Консервативный поворот в истории идей // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 150.

¹⁴⁹ [Межевич В. С.] О народности в жизни и в поэзии: Речь, произнесенная Московского дворянского института старшим учителем Василием Межевичем // Ученые записки Императорского Московского университета. 1836. Ч. 11. № 8. С. 272–273.

бытия как религия, философия и язык выражают в себе гений народа и должны стать предметом первоочередного изучения.

Еще один последователь министерского курса Уварова Андрей Петрович Аристов (1812–1860), магистр Московской духовной академии, профессор философии в Ярославском Демидовском лицее (1838–1846), в рамках развития уваровской концепции народности поставил вопрос о формировании в России национальной философии. В своей «Речи о влиянии народного духа на философию» он заявил: «У нас должна быть своя собственная философия, философия национальная, русская не по языку, а по духу, т. е. должна выражать характер русского народа, должна иметь то же направление, какое есть в России. К этому благородному подвигу, кроме национальной гордости, нас должна побуждать и самая любовь к истинной мудрости, истинная философия. Опыт и умеренное умозрение в соединении с верою — вот что нужно для такой философии. А это самое и составляет отличительный характер направления русского народа»¹⁵⁰.

Влияние концепции С. С. Уварова на русскую культуру наиболее прослеживается в годы т. н. «замечательного десятилетия», продолжавшегося, по разным оценкам, с 1834 по 1847 г., и особенно — в произведениях искусства и литературы середины 1830-х гг. Здесь, в первую очередь, стоит отметить утверждение Николаем I в 1832 г. нового проекта храма Христа Спасителя в Москве «в старинном русском стиле», воздвигнутого на выбранном лично государем месте. Впервые со времен Петра I кардинально изменилось отношение царствующего императора к древней столице. В 1836 г. также по распоряжению монарха были установлены Царь-пушка и Царь-колокол — символы самодержавного Московского царства и Святой Руси. Заслуживает внимания и государственный гимн Российской империи «Молитва русского народа», композитора А. Ф. Львова на стихи В. А. Жуковского — по замыслу композитора, «гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для Церкви, годный для войска, годный для народа от ученого до невежи». В ряду ярких творений национального духа того времени можно назвать и ставшие признанным воплощением идеи народности исторические драмы Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834) и «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835), отражавшие события Смутного времени и начала правления династии Романовых. Еще один значимый шедевр — опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), посвященная подвигу Ивана Сусанина, идейная концепция которой стараниями трех ее создателей (М. И. Глинки, Е. Ф. Розена и В. А. Жуковского) представляет народность в единстве русской государственной и семейной традиции¹⁵¹. Кроме того, 8 июня 1835 г. во дни посещения Николаем I

¹⁵⁰ Аристов А. П. Речь о влиянии народного духа на философию, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1839 года профессором философии, магистром Андреем Аристовым [и др. речи и стихи]. М., 1839. С. 31.

¹⁵¹ См.: Лобанкова Е. В. Национальные мифы в русской музыкальной культуре. От Глинки до Скрябина: историко-социологические очерки. СПб., 2014. С. 82.

Костромы было получено высочайшее соизволение на возведение в городе памятника Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину — «во свидетельство, что благородные потомки видели в бессмертном подвиге Сусанина — спасении жизни новоизбранного Русской землей царя через пожертвование своей жизни — спасение православной веры и Русского царства от чужеземного господства и порабощения»¹⁵².

* * *

Другая важная заслуга С. С. Уварова — введение печатного органа для ознакомления общества с деятельностью министерства: с 1834 г. по его указанию издавался ежемесячный «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП) — не скучный правительственный вестник, а настоящий компендиум новейших достижений российской и мировой науки, образования и культуры. Первым редактором журнала стал К. С. Сербинович, исполнявший эту обязанность с 1834 по 1856 г. По воспоминаниям известного журналиста А. В. Старчевского, Сергей Семенович сам разработал план издания, сформировал рубрики, определил сумму гонораров за статьи и «пригласил сотрудников из профессоров университетов»¹⁵³. В частности, в сильном редакционном составе выделялись: профессор русской словесности Санкт-Петербургского университета¹⁵⁴ П. А. Плетнев, профессор права Императорского училища правоведения Ю. А. Штекгардт, профессор философии и педагогики в Главном педагогическом институте, а впоследствии в Санкт-Петербургском университете и Санкт-Петербургской духовной академии А. А. Фишер, выпускник Московского университета, молодой критик и педагог, близкий кругу Т. Грановского, Я. М. Неверов и др.

Первый номер ЖМНП открывался программной статьей Уварова, в которой Россия была названа державой, стоящей «на высокой чреде славы и величия», имеющей «внутреннее сознание своего достоинства» и на троне — «Провидением ниспосланного царя — хранителя веры и ее народности». Она представляется вышедшей из периода безусловного подражания, способной ясно отличать в Европе добро от зла, т. к. носит в сердце своем три залога — «веру, народность и самодержавие»: «Здесь царь любит Отечество в лице народа

Главным идеологом оперного замысла стал В. А. Жуковский, многие годы тесно связанный с Уваровым и царской семьей. Именно он подобрал нужный сюжет, предложил кандидатуру либреттиста барона Розена, написал текст знаменитого хора «Славься», активно занимался постановкой и сценографией спектакля, прорабатывал монархическую риторику оперы, кульминацией которой стал финал (См.: Там же. С. 73).

¹⁵² Торжественное открытие памятника по проекту скульптора В. И. Демут-Малиновского состоялось уже в марте 1851 г.

¹⁵³ *Старчевский А. В.* Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 10. С. 110.

¹⁵⁴ В 1832–1849 гг.; в 1840–1861 гг. — ректор; с 1828 г., по рекомендации В. А. Жуковского, преподавал литературу наследнику престола великому князю Александру Николаевичу и великим княжнам; ему А. С. Пушкин посвятил роман «Евгений Онегин».

и правит им, как отец, руководствуясь законом; и народ не умеет отделять Отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу»¹⁵⁵.

Приведем также характерные выдержки из двух статей, ярко раскрывающих идейную концепцию журнала и его создателя: «Мы должны стараться достигнуть чести быть русскими, и русскими, европейски просвещенными. У нас есть свой ум, свое сердце, свой язык, своя вера, своя история»¹⁵⁶; «Говорите русскому о его России, о его родном крове, о делах его предков, раскройте перед ним область природы и величия Божия; в простоте умиленного сердца хвалите с ним, устами любви, великих царей, зиждителей славы Отечества. Вот что движет, что воспламеняет души русских! <...> И это чувство отзывается и в “Слове о полку Игоря”, и в “Певце” Жуковского, и в поэзии Державина, и в “Истории” Карамзина»¹⁵⁷.

ЖМНП имел широкую и разнообразную читательскую аудиторию, по данным на вторую половину 1830-х гг. составлявшую около 600 обязательных подписчиков и около 180 добровольных, в том числе членов императорской фамилии, принца П. Ольденбургского, графа Н. С. Мордвинова, известных светских и церковных ученых. Хотя православные духовные школы при Уварове не входили в состав Министерства народного просвещения, они также числились среди регулярных подписчиков журнала. Современники давали изданию различные оценки, но в целом отмечали его высокий научный уровень и полезность для специалистов — историков, археологов, палеографов и др. Так, подписчик ЖМНП историк А. И. Тургенев называл его «лучшим в России ученым журналом», «наставительным», любопытным и «всеобъемлющим».

Заслуживает внимания еще одна мысль министра в первом номере, что «наставляемое повелениями монарха, неусыпно пекущегося о пользе Богом врученной ему страны, министерство вменяет себе в прямой и священный долг давать <...> полезное направление читателям своего журнала, да удовлетворится истинных сынов Отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям отца России»¹⁵⁸.

В том же выпуске была опубликована статья П. А. Плетнева «О народности в литературе», где автор так, созвучно Уварову, определяет содержание этого понятия: «Идея народности представляет собой особенность, необходимо соединяющуюся с идеею каждого народа. <...> Черты, составляющие физиономию души нашей, предварительно были как стихии в том обществе, которое воспитало наши страсти; в той природе, которая упоевала наши чувства; в той религии, которая возвысила наши помыслы; в тех обычаях, которые освящены для нас давностию; в тех предрассудках, от которых не спасет нас никакая

¹⁵⁵ [Уваров С. С.] Б. п. // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. V–VI.

¹⁵⁶ Краевский А. А. Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. 97–98.

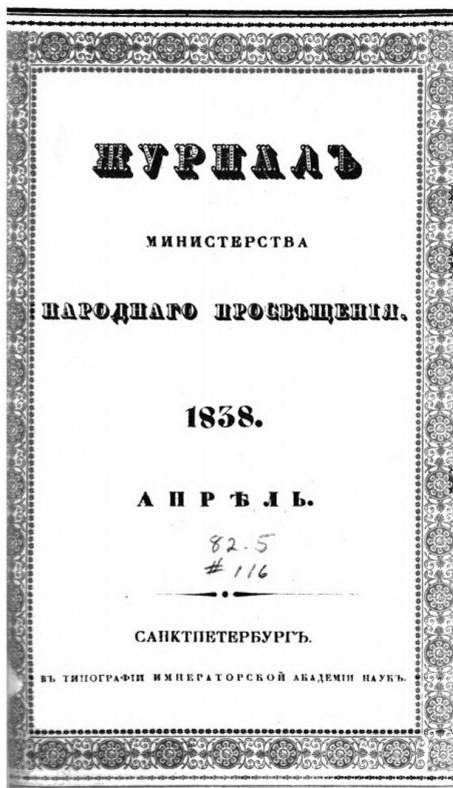
¹⁵⁷ Б. Ф. Обзорение книг, вышедших в России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. № 8. С. 319–321.

¹⁵⁸ [Уваров С. С.] Б. п.... С. VII.

философия. Еще более: один и тот же народ в разные периоды своей истории, при содействии разных причин, скрывающихся то в политике, то в морали, то в ученых мнениях какого-нибудь времени, является бесчисленным множеством оттенков, которые все принадлежат рассматриваемой идее»¹⁵⁹.

Большое внимание уделялось вопросам современной русской литературы — ее патриотическому назначению, роли в пробуждении русского духа и связи с коренными началами национального бытия: «Оригинальная самобытность нашей словесности должна быть основана на тех же самых началах, на которых утверждается слава России, ее внутренняя сила, ее народное достоинство. Чистая, неукоризненная нравственность, прямотушение по обычаю предков, неколебимое благочестие в вере, преданность Божию Промыслу, пламенная любовь к царю-отцу и милому Отечеству, радостный или по крайней мере утешительный и благодарный взгляд на природу, шутовливость без желчи, а в противоборстве злу твердость и жар — вот отличия русского характера, прочная основа нашего просвещения! Здесь элементы русской словесности; отсюда должны проистекать все вымыслы, все чувства русских писателей»¹⁶⁰.

В числе ближайших сотрудников Уварова по ЖМНП в 1834 г. был и начинающий петербургский литератор Н. В. Гоголь. 25-летний писатель опубликовал в журнале в первый год его издания четыре статьи — столько же, сколько и один из ведущих авторов историк М. П. Погодин: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях» (№ 4) и «О средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем» (№ 9); причем две последние были написаны по прямому заказу министра. В статье «План преподавания всеобщей истории» Гоголь вполне в духе уваровской концепции просвещения определяет назначение преподавателя: «Цель моя — образовать сердца юных слушателей <...>, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их;

Обложка ЖМНП, 1838 г.

¹⁵⁹ Плетнев П. А. О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании. Императорского Санкт-Петербургского университета 31 августа 1833 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 2.

¹⁶⁰ Б. Ф. Обзорение книг, вышедших в России в 1834 году... С. 319–321.

сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя»¹⁶¹.

В 1834 г. Гоголь являлся не только одним из ведущих авторов, но и внимательным и сочувственным читателем. Познакомившись в первом номере ЖМНП с программой Уварова, он писал редактору К. С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал <...>, в нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!»¹⁶²

Интерес будущего классика к преподаванию истории, с одной стороны, был связан с его планами занять кафедру в Киевском университете, с другой — стал ответом на призыв Уварова обратиться к исторической тематике, которая преобладала на страницах журнала. Более же всего министра и писателя сближала тесно связанная с историческими исследованиями тема народности. В статье «Несколько слов о Пушкине» (1831) Николай Васильевич отмечал, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»; «Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии». Приведенная гоголевская трактовка национальности имеет самую прямую связь с теорией народности С. С. Уварова.

Большое внимание в своем журнале Сергей Семенович уделял и философии. В числе близких его сотрудников выделялся выпускник Венского университета Адам Андреевич Фишер (1799–1861). Приехав в Россию в качестве воспитателя в одно из аристократических семейств, он был замечен Уваровым и получил приглашение сначала в Главный педагогический институт (возрожденный в 1828 г.), а затем и в Петербургский университет, где стал профессором философии и, позднее, основателем кафедры педагогики. С 1836 по 1849 г. Фишер читал в университете курс «Метафизика с критическим разбором главнейших философских систем»; в течение 10 лет также преподавал философию в Духовной академии. С 1835 по 1845 г. он опубликовал в журнале ряд важных статей по философии — «О новейшем естественном праве», «О сущности философии» и др.

В программной статье «О ходе образования в России» (1835) Адам Андреевич выступает в защиту изучения философии в российских университетах. «Главная цель моя, — пишет профессор, — доказать, что в системе образования, которому следует правительство, изучение философии не составляет, как думают некоторые, занятия пустого и бесплодного; что участие, которое должна принимать эта наука в будущих успехах просвещения, чрезвычайно важно; и что это мощное притяжение, которое правительство оказывает даже на философские идеи, не только не препятствует надлежащему ходу ума человеческого, но, напротив, служит благотворным щитом, предохраняющим нас от гибельных следствий лжеобразования — этого чудовищного порождения

¹⁶¹ Гоголь Н. В. План преподавания всеобщей истории // Журнал министерства народного просвещения. 1834. № 2. С. 209.

¹⁶² Его же. Письмо Н. В. Гоголя К. С. Сербиновичу от 11 февраля 1834 г. // Его же. Полное собрание сочинений. В 14-ти т. Т. 10. М., 1940. С. 296.

нашего века, которое, подобно нравственной язве, заражает и повреждает более и более общественное тело дряхлеющей Европы»¹⁶³.

В духе раннехристианских апологетов (Климента Александрийского и др.) Фишер трактует философию как союзницу и помощницу религии в деле приготовления истинного просвещения: «Не философия ли, не выходя из пределов своего владычества, приводит перед судилище ума порядок общественный и религию, законодательство и политику, рассуждает о правах и обязанностях человека, рассматривает основание всякой установленной власти? Не философия ли преимущественно перед прочими науками должна разделять с религиею благородное дело приготовления роду человеческому людей честных и добродетельных, христианству — верующих просвещенных и чистых сердцем, граждан верных, преданных монарху и Отечеству?»¹⁶⁴.

Ложной разрушительной философии профессор противопоставляет «истинную», «здравую», призванную выполнять охранительную функцию: «Распространением только здоровой философии правительство надеется разоблачить и привести в смущение отвратительное чудовище, псевдо-философию, прежде чем успеет она осквернить Россию своим ядовитым дыханием и вонзить кровавые когти в недра ее — сердце этого блестящего дарованием юношества, на которое опираются надежда и гордость Отечества»¹⁶⁵.

Ученый предлагает построить преподавание философии на началах уваровской триады — «священном уважении к религии, неколебимой верности монарху и безусловном повиновении существующим законам». Здесь любопытна трактовка третьего основания: вместо народности говорится о необходимости следовать отечественной традиции законодательства. «Таков дух философского учения, преподаваемого в университете нашем. Да возможет пылкое к образованию юношество, притекающее в сие святилище наук, быть проникнуто этим духом и завещает нам честь, которую мы считаем выше всякой другой, честь — что мы образовали не только ученых, но вместе усердных христиан и верных граждан, преданных своему монарху». В другом месте статьи Фишер уже более конкретно пишет о наполнении всего общественного воспитания «народным духом»¹⁶⁶: «Осталось решить великую задачу: напитать народным духом это частное воспитание, коему вверено почти все русское юношество высшего класса, и наблюдать за ним столько, сколько дозволяет его отдельность, чтобы таким образом направить его к великой цели развития отечественного, основанного на религии и законах отечественных»¹⁶⁷.

Итак, очевидно стремление Уварова и его ближайших сотрудников возобновить преподавание долгое время «гонимой» в российских университетах

¹⁶³ Фишер А. А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия. Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета ординарным профессором философии А. Фишером 20 сентября 1834 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 1. С. 31.

¹⁶⁴ Там же. С. 65.

¹⁶⁵ Там же. С. 67.

¹⁶⁶ Термин, который, как мы знаем, использовал и Уваров.

¹⁶⁷ Там же. С. 40–41.

философии, вписав ее в патриотический контекст «русской триады» «Православие. Самодержавие. Народность».

С. С. Уварова можно смело назвать защитником и покровителем всего русского. О его глубоком понимании духовной словесности Московского царства свидетельствует публикация им речи митрополита, будущего Патриарха и священномученика Гермогена на коронации Василия Шуйского 1 июля 1606 г. Мыслитель дает этому допетровскому церковному литературному памятнику самую высокую оценку: «Предоставляем любителям всего отечественного обратить внимание на сей феномен истории и словесности нашей и исследовать, каким образом мог наш язык перейти от гибких, правильных, ясных, истинно русских форм духовного нашего красноречия в начале XVII в. до однообразной надутости Феофана¹⁶⁸ и его современников, и как, наконец, Ломоносов вторично открыл источник жизни в мертвой пустыне русского слова»¹⁶⁹.

В контексте поддержки Уваровым русской культуры и науки, а также его интереса к отечественным древностям показательна история покровительства министра крупнейшему журналу «православно-русского» направления «Москвитянин», во главе которого стояли видные консервативные мыслители эпохи — историк М. П. Погодин и филолог, один из создателей науки о древнерусской церковной литературе С. П. Шевырев.

Как известно, Николай I относился к частным периодическим изданиям с большим подозрением. С 1832 г. для открытия нового журнала требовалось разрешение царя, а в 1836-м даже было временно запрещено ходатайствовать об этом. 26 декабря 1837 г. Сергей Семенович сумел получить для М. П. Погодина дозволение издавать «Москвитянин», причем на докладе министра осмотрытельный государь написал: «Согласен, но со строгим должным надзором»¹⁷⁰.

Новое издание наиболее твердо и последовательно из всех литературных журналов того времени проводило принцип уваровской триады. Особенно отличился в этом его ведущий литературный критик профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев (1806–1864). В своих знаменитых лекциях по древнерусской словесности он отмечал, что уже Древняя Русь в различных литературных жанрах раскрыла три элемента русской жизни — духовный, государственный и народный. Первый был выражен в церковной словесности — переводах Священного Писания, богослужебных

¹⁶⁸ Архиепископ Феофан (Прокопович) — ближайший сподвижник Петра I, ученый-энциклопедист, автор труда на латинском языке «Десять книг об искусстве риторики», в котором рассуждает о законах красноречия применительно к латинскому языку. По характеристике прот. Г. Флоровского, «типический наемник и авантюрист <...>. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Вернее назвать его дельцом, не деятелем» (Флоровский Г., прот. Пути русского богословия... С. 89–90).

¹⁶⁹ Цит. по: Соловьев Ю. Трилистник империи. URL: <http://mosjour.ru/2017061576> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁷⁰ «Москвитянин» был последним литературным журналом, разрешенным в Москве в царствование императора Николая I. См.: Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет... С. 45.

текстах, житиях святых и т. п.; второй — в государственных исторических летописях, трактовавших историю с религиозно-нравственной точки зрения; третий — в песнях, сказках, поговорках, пословицах, передававших дух русского народа¹⁷¹.

Редакция сумела объединить лучшие литературные и философские силы России — с журналом сотрудничали: В. А. Жуковский, К. С. Аксаков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль, М. А. Дмитриев, И. И. Дмитриев, М. Н. Загоскин, И. В. Киреевский, А. С. Стурдза, К. К. Павлова, Е. П. Ростопчина, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, А. А. Фет, А. А. Григорьев; выдающиеся иерархи Русской Церкви — митрополит Филарет (Дроздов), архиепископ Иннокентий (Борисов) и др. Своей задачей «Москвитянин» поставил «сообщать сведения об Отечестве, России, столь мало нам известной, не опуская из виду важнейших европейских явлений». В 1848 г. редакция подчеркивала верность избранным принципам: «Дух и направление “Москвитянина” неизменны. Своенародность — вот его характер. Познай самого себя — его цель. Почтение к истории, к преданию, вместе с желанием успеха поступательному движению вперед, — его правила. Петербургские журналы смотрят больше на Европу, “Москвитянин” — на Россию, сочувствуя, впрочем, Европе...»¹⁷². Сформулированная здесь программа журнала имеет несомненную близость к идейной позиции С. С. Уварова.

* * *

Произошедшие в Западной Европе в 1848–1849 гг. революционные выступления отозвались в России резким ужесточением внутренней политики — новая эпоха получила в либеральной историографии наименование «мрачного семилетия»¹⁷³. С целью пресечения опасности проникновения революционных и либеральных идей 2 апреля 1848 г. императором был создан Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений (Бутурлинский комитет¹⁷⁴, или Комитет 2 апреля) с исключительными полномочиями в сфере цензуры, книгоиздания и печати. Орган значительно ограничил властные полномочия Уварова как министра — прежде всего в цензурной области, которой ранее тот управлял почти безраздельно.

Против министра, 16 лет уверенно направлявшего курс отечественного образования, науки и литературы, была организована мощная бюрократическая оппозиция, объединившая многих его недоброжелателей. Как писал в своем дневнике профессор Никитенко, «едва раздался гром европейских переворотов», как в качестве доносчиков выступили лица сильные и опасные: «Граф <С. Г.> Строганов, бывший попечитель Московского университета, движимый злобой на министра народного просвещения Уварова, <...> представил

¹⁷¹ Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.

¹⁷² Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении»... С. 268.

¹⁷³ «Начинается царство мрака в России», — писал П. В. Анненков, автор выражения «мрачное семилетие».

¹⁷⁴ Название по фамилии председателя Д. П. Бутурлина.

государю записку об ужасных идеях, будто бы господствующих в нашей литературе — особенно в журналах — благодаря слабости министра и его цензуры. Барон <М. А.> Корф, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его пост, представил другую такую же записку. И вот в городе вдруг узнают, что вследствие этих доносов учрежден комитет под председательством морского министра, князя <А. С.> Меншикова, и с участием следующих лиц: <Д. П.> Бутурлина, Корфа, графа <А. Г.> Строганова (брата бывшего попечителя), <П. И.> Дегаля и Дубельта»¹⁷⁵.

Чтобы лучше понять происходившие события и их восприятие образованным обществом, снова обратимся к цитированному дневнику. Запись 1848 г.: «Чудная эта земля Россия! Полтора года лет прикидывались мы стремящимися к образованию. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываем назад быстрее, чем когда-либо шли вперед. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлин предлагал закрыть университеты, многие считали это несбыточным. Простаки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вот теперь тот же самый Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего, негласного комитета по цензуре, и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать. <...> Варварство торжествует <...> свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться. <...> Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему. Еще немного — и все, в течение полутора года лет содеянное Петром и Екатериной, будет вконец низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохом твердят: “видно, наука и впрямь дело немецкое, а не наше”»¹⁷⁶.

В конце 1848 г. по Петербургу стали распространяться слухи о возможном скором закрытии университетов. Ради спасения высших учебных заведений и всей созданной им системы образования Уваров идет на рискованный шаг — он решает публично опровергнуть эту информацию и еще раз официально подтвердить пользу высшего образования для российской государственности. В марте 1849 г. в журнале «Современник» выходит статья его ближайшего сотрудника И. И. Давыдова «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании», ратовавшая «за народное образование, основанное на благоговении к православной вере, преданности к православному государю и любви к православной России»¹⁷⁷. По свидетельству Никитенко, она «произвела сильное впечатление на людей со здравым смыслом и на тех, кому дорога наука» и «достигла своей цели, ибо с появлением ее в печати все успокоились»¹⁷⁸.

Однако члены Бутурлинского комитета усмотрели в тексте крамолу и сделали запрос министру просвещения о его авторе. Сергей Семенович ответил, что статья написана директором Главного педагогического института профессором Давыдовым по его личному распоряжению и опубликована

¹⁷⁵ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 311.

¹⁷⁶ Там же. С. 315.

¹⁷⁷ Давыдов И. И. О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. № 3. С. 45.

¹⁷⁸ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 331.

с собственноручными исправлениями. Свою позицию он аргументировал тем, что данная публикация в настоящее время необходима для успокоения сотрудников и студентов. Император наложил на послание Уварова высочайшую резолюцию, в которой говорилось: «...Нахожу статью, пропущенную в “Современник”, неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, для ответа на пустые толки, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком, у нас, к счастью, существующим. Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе. Объявить цензорам, чтобы впредь подобного не пропускали, а в случаях недоумений спрашивали разрешения»¹⁷⁹. Приведенная цитата хорошо показывает тот «военный» стиль управления, который возобладал в последние семь лет царствования Николая I¹⁸⁰.

Противники министра в высших эшелонах власти, среди которых выделялись начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Ф. Орлов и барон М. А. Корф, стремились любыми способами дискредитировать Уварова и его курс в глазах государя, который в условиях революционной ситуации в Европе все более склонялся к административно-силовым методам. «Уваров <...> много вытерпел в последнее время своего министерства, — пишет Никитенко. — Когда он зашатался на своем месте, многое ему уяснилось, и мне приходилось не раз быть свидетелем его скорби. Тогда и я лучше узнал этого человека и мог оценить его хорошие стороны — его несомненный ум, который во время его силы часто заслонялся тщеславием и мелким самолюбием»¹⁸¹.

Вскоре к неоднозначной служебной ситуации добавились трагические события в личной жизни министра. В июле 1849 г. умирает его супруга, а в сентябре он сам переносит «нервический удар» с последовавшим параличом левой стороны. 20 декабря Уваров подает прошение об отставке с поста министра народного просвещения по состоянию здоровья, но сохраняет за собой президентство в Академии наук и членство в Государственном совете. Он оставляет Петербург, отныне деля свое время между Москвой и подмосковным имением в Поречье. Представляется, что в сложной внешней и внутренней политической обстановке для сохранения выбранного идейного курса Сергей Семенович старался использовать все имевшиеся у него административные ресурсы. Как и в 1821 г., он проявил твердость и мужество и предпочел покинуть службу, но не изменить своим убеждениям, в очередной раз опровергнув упреки в приспособленчестве, продажности и карьеризме.

¹⁷⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х т. Кн. X. СПб., 1896. С. 538.

¹⁸⁰ Для пояснения позиции государя Николая Павловича приведем слова, прозвучавшие уже в 1855 г., во время приема депутации от Московского университета по случаю его столетнего юбилея: «Я скажу вам теперь, как разумею я в наше время дело воспитания. Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко; но еще выше я ставлю нравственность. Без нее учение не только бесполезно, но даже может быть вредно, а основа нравственности — святая вера. Вместе с учением надобно воспитывать религиозное чувство. Вот мой взгляд на просвещение. <...> Вера пала у многих народов; она жива у нас, как была всегда. Надобно сохранять то в России, что искони было» (Цит. по: *Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности...* С. 226–227).

¹⁸¹ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 369–370.

Герб графа Уварова

Император высоко оценил многолетнюю работу сановника в министерстве, в 1844 г. пожаловав ему орден св. Александра Невского, а в 1846 г. «во изъявление особенной признательности к неусыпным трудам его на поприще государственной службы» — графский титул¹⁸². Девизом, высеченном по желанию Уварова на гербе нового графского рода, стала триада «Православие. Самодержавие. Народность». Титулованный дворянин граф Уваров удостоился также высшей награды в России — ордена св. Андрея Первозванного, пожалованного ему в 1850 г.

После ухода С. С. Уварова из министерства был выбран ошибочный курс

более жесткой цензуры, запрещения преподавания философии и других наук в университетах. Новым министром стал служивший заместителем Сергея Семеновича с 1842 г. князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853), который не обладал образованностью и организаторскими качествами предшественника и напоминал некоторым современникам персонажа гоголевского «Ревизора», смотрителя учебных заведений Луку Лукича Хлопова¹⁸³. По свидетельству А. В. Никитенко, князь Ширинский-Шихматов «был добр и по природе и по убеждению христианин, справедлив, прост и добродушен», но не имел достаточно сил, «чтобы смело повернуть против ветра руль своего корабля, со всех сторон обуреваемого грозною борьбой стихий»¹⁸⁴. Именно ему принадлежит печально знаменитая фраза: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен», произнесенная в связи с планами удалить курс философии из университетской программы, что и осуществилось в 1850 г., когда были закрыты факультеты и кафедры философии во всех российских университетах, кроме Дерптского. Тогда же из университетской программы исчезли древняя история и европейское государственное право.

* * *

Многолетняя интенсивная служебная деятельность не позволяла Уварову полнее реализовать себя как ученого и литератора. Выйдя в отставку и оправившись от последствий удара, он обращается к любимой научной работе. «После долгой карьеры, перемешанной как неудачами, так и успехами, — писал мыслитель, — <...> я с любовью вернулся к тем прилежным склонностям, которые очаровывали мою юность, ободряли в трудах зрелых лет, и в которых

¹⁸² [Николай I, имп.] Указ Правительствующему Сенату // Журнал министерства народного просвещения. 1846. № 9. Отд. 1. С. 46.

¹⁸³ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С. 268.

¹⁸⁴ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 334.

я рассчитываю еще найти мои сладчайшие утешения»¹⁸⁵. В 1853 г. отставной министр публично защитил в Дерптском университете магистерскую диссертацию о происхождении болгар и до последних дней жизни трудился над докторской диссертацией (на латинском языке) по древней истории.

Для характеристики его поздних религиозно-философских взглядов представляет интерес статья «Общий взгляд на философию словесности»¹⁸⁶, изданная в 1840 г. в Петербурге на французском языке, и в 1848-м вышедшая в русском переводе. В этом сочинении Уваров, по-видимому под влиянием Шатобриана, высказывает идею о двух видах литературы, которые проистекают из разных цивилизаций — древней, «до Христа», и новой, «после Христа», причем появление христианства трактуется им как «событие высшее, всеобъемлющее», которое провело глубокую черту разграничения «в летописях умственной жизни»¹⁸⁷. По мысли философа, «христианство проникло в нравы, совести и умы <...>; ум человеческий прокладывает себе дотоле неведомые пути, искусства изменяют цель и характер». Как последовательный мыслитель-христианин, Уваров стремится начертать набросок оригинальной историософии, для воплощения которой «необходимо проследить дух христианской цивилизации на всех поприщах его развития; <...> все должно входить в историю ума человеческого»¹⁸⁸.

В великолепной усадьбе «Поречье» Можайского уезда, доставшейся графу от тестя графа А. К. Разумовского и превращенной Сергеем Семеновичем и его сыном археологом Алексеем Сергеевичем в образцовую дворянскую усадьбу XIX в., имеющую первоклассный музей и одну из крупнейших в Европе частных библиотек (более 70 тысяч томов), долгое время кипела богатая и многообразная интеллектуальная и культурная жизнь. Здесь собирались в течение многих лет, как до, так и после отставки хозяина, известные профессора Московского университета — И. И. Давыдов, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Т. Н. Грановский, другие академики и ученые. Приезжали также В. А. Жуковский, П. А. Плетнев и проч. В своей любимой «обители науки и искусства» на ежегодные «Академические беседы» (своеобразные научные конференции) Уваров собирал настоящий цвет российских науки и искусства. Приведем несколько названий прозвучавших на этих собраниях докладов: «О периоде самозванцев» (М. П. Погодин), «О прекрасном» и «О связи психологии с физиологией» (И. И. Давыдов), «О применении в архитектуре общих эстетических законов» (С. И. Хазаров), «О переходных эпохах в истории человечества» (Т. Н. Грановский) и т. д.

В частной переписке Уваров неоднократно вспоминал «приятные минуты, проведенные в Поречье». Один из постоянных участников бесед М. П. Погодин писал, что граф называл усадьбу оазисом в своей шумной жизни, где «на берегах Иночи, <...> под родным небом»¹⁸⁹ он многие годы наслаждался

¹⁸⁵ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852... С. 318.

¹⁸⁶ Уваров С. С. Общий взгляд на философию словесности // *Его же. Избранные труды...* С. 325–333.

¹⁸⁷ Там же. С. 323–324.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Погодин М. П. Для биографии графа С. С. Уварова... Стб. 2080.

Усадьба «Поречье». Неизвестный художник, первая четверть XIX в.

избранным обществом лучших отечественных ученых. Приглашаемые профессора знакомили Сергея Семеновича и его гостей со своими открытиями и работками, обсуждали самые разные научные, литературные и художественные проблемы, и сам хозяин щедро делился собственными широкими познаниями и любовью к прекрасному, подавал интересные темы для возвышенного общения: «Современные явления ума, воспоминания ученые и литературные впечатления Италии, неизгладимые в памяти хозяина, сношения его с учеными знаменитостями Германии и Франции предлагали неистощимое содержание для бесед, далеких от житейских мелочей»¹⁹⁰. Благодаря дружеской, непринужденной и, вместе с тем, творческой атмосфере, господствовавшей в Поречье, где «время проходило в живом сообщении мыслей о науках, словесности, искусствах», это небольшое имение заслужило прозвище «русских Афин»¹⁹¹.

Исключительный интерес представляет опыт создания и деятельности «Порецкого музеума», основанного С. С. Уваровым в своем имении еще 1830-е гг. Уже в 50-е гг. владельцы стремились сделать его доступным для посещения, а в 1853 г. в Москве был выпущен «Указатель Порецкого музеума для посетителей». К сожалению, после октябрьского переворота судьба усадьбы в культурном отношении сложилась плачевно. В настоящее время там размещается закрытый ведомственный санаторий Службы внешней разведки России.

¹⁹⁰ Давыдов И. И. Воспоминание о графе С. С. Уварове // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. В 7-ми кн. Кн. 2. СПб., 1856. Вып. 1. С. СХLI.

¹⁹¹ Между тем многочисленные недоброжелатели, завистники и идейные противники Уварова старались побольнее задеть гостеприимного владельца усадьбы и его ученых собеседников. Так, В. Г. Белинский назвал гостей уваровской усадьбы «холопами знаменитого села Поречье».

Почил выдающийся просветитель 4 сентября 1855 г. в Москве. Как свидетельствует М. П. Погодин, на смертном одре Сергей Семенович более всего беспокоился, что не успеет исполнить последний долг христианина: «К утру, проснувшись, спросил тотчас: что же священник? Ему отвечали, что за священником послано. В ожидании он велел своему комнатному служителю прочесть вслух “Отче наш” и, следуя мысленно за словами молитвы, крестился. Пришел священник, исповедовал его и приобщил Святых Тайн»¹⁹².

Отпевал президента Академии наук митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) в домовой церкви Московского университета, в присутствии великой княгини Елены Павловны, профессоров и студентов. Как пояснял Погодин, «решено было совершить обряд отпевания в церкви университета, который всем своим настоящим состоянием обязан графу Уварову. Все нынешние профессора получили свое образование или утверждение в своих должностях под его непосредственным начальством; многие обязаны ему лично»¹⁹³. Молившийся на заупокойном богослужении вместе с С. П. Шевыревым историк сожалел, что не смог произнести прощальное слово о почившем, рассказать «о тех неизвестных публике усилиях, какие должен он был употреблять при противных европейских обстоятельствах, чтоб охранять университеты и все ученое дело»¹⁹⁴.

Похоронен граф Уваров был в родовой усыпальнице в селе Холм (ныне — поселок Холм-Жирковский Смоленской области), рядом с могилой брата, генерал-майора Федора Семеновича Уварова, участника Отечественной войны 1812 г., в присутствии сына, дочери, профессора М. П. Погодина и своих дворовых людей, отпущенных им на волю согласно завещанию. Никольская церковь 1795 г. с семейным склепом Уваровых и приписанная к ней часовня мученицы Дарии 1843 г. (посвящение по имени матери графа Д. И. Уваровой) претерпели разорение в 1930-е гг., сильно пострадали в 1943 г. и вскоре после Великой Отечественной войны были разобраны. В 2000 г. на месте разрушенного храма и склепа местные жители установили крест с памятной табличкой¹⁹⁵.

* * *

Подводя итог исследованию жизни, трудов и мировоззрения графа С. С. Уварова, нельзя согласиться с оценками его личности как карьериста и приспособленца, не имевшего собственных убеждений. Несомненно, это был человек не только универсального образования, с широкими научными и культурными интересами, но и самобытный консервативный мыслитель, соединявший приверженность традиционным христианским началам, понимание проблем современного общества и видение будущего с собственными

¹⁹² Погодин М. П. Для биографии графа С. С. Уварова... Стб. 2108.

¹⁹³ Там же. Стб. 2109–2110.

¹⁹⁴ Там же. Стб. 2111.

¹⁹⁵ Интересно, что могила отца С. С. Уварова, георгиевского кавалера Семена Федоровича Уварова, погибшего на русско-шведской войне в 1788 г., бережно сохраняется финнами более 200 лет на кладбище города Хамины (Финляндия).

оригинальными идеями, которые он в значительной мере смог воплотить в реальность. Сергей Семенович внес огромный вклад в создание, организацию и развитие в России многих научных школ (от исторической до ориенталистской), в становление трех уровней отечественного образования (реального, гимназического, университетского), а также классического направления в образовании. Бесценны его труды по развитию Императорской Академии наук, расширению основных направлений ее деятельности, превращению ее в один из ведущих европейских научных центров.

Можно определить религиозно-философское мировоззрение Уварова как «просвещенный консерватизм» — целостный органический взгляд на общество, государство и личность, утверждающий традиционные «русские начала», чуждый изоляционизма, шовинизма и ксенофобии, не отвергающий западные ценности и влияния, открытый классическим традициям европейской философии, культуры и науки. Важно отметить, что мыслитель оставался консерватором на всех этапах своей деятельности, но его консерватизм эволюционировал от романтического мирозерцания в духе Ф.-Р. Штатбриана и Ф. Шлегеля ко все более русскому, национально ориентированному воззрению. Наиболее законченное выражение он обрел в 1830-е гг. в знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность».

При поддержке императора Николая I, в течение шестнадцати лет С. С. Уваровым была создана система независимого российского государственного образования, положительное значение которой для отечественных науки и культуры продолжает сказываться и в наши дни. Конечную цель этой системы просветитель видел «в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой монархии и всеобщих успехов образованности»¹⁹⁶. Уваровский идеал образования состоял в сочетании европейского просвещения с «русскими началами»; в том, чтобы юношество «лучше знало русское и по-русски»¹⁹⁷.

Профессор Никитенко записал в своем дневнике за 1835 г. одно из высказываний Уварова, выразившее надежду, что вскормленное им новое образованное поколение русских людей сумеет успешно продолжить его национальную политику; что новая просвещенная национальная элита научится мыслить по-русски и в будущем сможет успешно противостоять вызовам стремительно меняющегося мира: «Мы, т. е. люди XIX в., в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Уваров С. С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие... С. 3–4.

¹⁹⁷ Гаверилов И. Б. К характеристике философии воспитания С. П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 310.

¹⁹⁸ Никитенко А. В. Дневник... Т. 1. С. 174.

К сожалению, в начале XX в. образованная русская элита не справилась с «кровавыми тревогами» вспыхнувшей богоборческой революции, причины и негативные последствия которой до сих пор осмыслены недостаточно и, следовательно, не преодолены. Не выучив эти уроки, сегодня, спустя сто лет, Россия сталкивается с новыми проблемами и опасностями. Представляется, что знакомство с богатейшим спектром консервативных идей графа С. С. Уварова, посвятившего свою жизнь просвещению Отечества и борьбе с революционными теориями, способно обогатить многие направления современного гуманитарного знания, такие как философия образования, философия истории, история отечественной философии, востоковедение, классическая филология, византистика, геополитика и проч. Его мысли о приоритете духовно-нравственного развития над политическим, понимание образования как важнейшего средства укрепления социальных и культурных взаимосвязей не утратили своей актуальности. Предвосхитив многие философские и социально-политические идеи ведущих русских консервативных мыслителей второй половины XIX — начала XX в. (М. Н. Каткова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и др.), Сергей Семенович раскрыл уникальное положение нашей страны как самобытного духовного, политического и культурного мира, ее особую миссию по отношению к Европе, утратившей свои положительные начала и историческую преемственность. Идейное наследие С. С. Уварова, несомненно, имеет непреходящую ценность и должно быть востребовано в современной России.

Источники и литература

1. *Аристов А. П.* Речь о влиянии народного духа на философию, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1839 года профессором философии, магистром Андреем Аристовым [и др. речи и стихи]. М.: Университетская тип., 1839. 44 с.
2. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х т. Кн. X. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1896. XV, 583 с.
3. *Батюшков К. Н.* Письмо А. И. Тургеневу [исход июня 1818 г. Полтава] // *Его же.* Сочинения. В 3-х т. Т. 3. СПб.: П. Н. Батюшков, 1886. С. 508–511.
4. *Белинский В. Г.* Литературные мечтания (Элегия в прозе) // *Его же.* Полное собрание сочинений. В 13-ти т. Т. 1: Статьи и рецензии; Художественные произведения: Дмитрий Калинин; Русская быль: 1829–1835. М., 1953. С. 20–104.
5. *Березкина С. В.* Отклик В. А. Жуковского на брошюру С. С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813) // Жуковский: исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып. 2. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. С. 151–163.
6. *Б. Ф.* Обзорение книг, вышедших в России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. № 8. С. 319–321.
7. *Вермаль Ф., Степанов М.* Жозеф де Местр в России / Подгот. к печ. С. А. Макашин // Литературное наследство. Т. 29–30. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. IV, 764 с.

8. *Вернадский В. И.* Очерки по истории Академии наук // *Его же.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 467 с.
9. *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. В 3-х т. Т. 3. М.: Университетская тип., 1866. 186 с.
10. *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. 348, [1] с.
11. *Гаврилов И. Б.* К вопросу о характеристике философского и научного наследия С. П. Шевырева // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 122–133.
12. *Гаврилов И. Б.* Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840-е гг.) // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 238–262.
13. *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214.
14. *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии воспитания С. П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326.
15. *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии образования А. С. Шишкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 181–203.
16. *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1. С. 136–177.
17. *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 204–221.
18. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.
19. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырев о «русском воспитании» // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 146–150.
20. *Гоголь Н. В.* Письмо Н. В. Гоголя К. С. Сербиновичу от 11 февраля 1834 г. // *Его же.* Полное собрание сочинений. В 14-ти т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 296.
21. *Гоголь Н. В.* План преподавания всеобщей истории // Журнал министерства народного просвещения. 1834. № 2. С. 189–209.
22. *Голицын А. Н.* Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 5. С. 52–108.
23. *Грановский Т. Н.* Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // *Его же.* Сочинения. Изд. 4-е. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 577–586.
24. *Давыдов И. И.* Воспоминание о графе С. С. Уварове // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук / Ред. академик И. И. Срезневский. В 7-ми кн. Кн. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1856. Вып. 1. С. XXXIII–CXLIИ.
25. *Давыдов И. И.* О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. № 3. С. 37–46.
26. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803–1864. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. 1096 стб., 9 с., 28. 66 стб., [2] с.
27. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30-ти т. Т. 29. Кн. 1: Письма, 1869–1874 / Текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1986. 573 с.

28. *Зверева Н. А.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова: диссертация кандидата исторических наук. Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2005. 184 с.

29. *Зорин А. Л.* Идеология «православия — самодержавия — народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Е. Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1996. С. 105–128.

30. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 414, [1] с.

31. *Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст. 1989. Т. 1989. С. 5–41.

32. *Корнилов А. А.* Сергей Уваров и народное просвещение при Николае I. URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1122-narodnoe-prosveshchenie-pri-nikolae-i> (дата обращения: 10.10.2019).

33. *Краевский А. А.* Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. 91–118.

34. *Лобанкова Е. В.* Национальные мифы в русской музыкальной культуре. От Глинки до Скрябина: историко-социологические очерки. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: Галина скрипсит, 2014. 416 с.

35. *Маслин М. А.* Консервативный поворот в истории идей // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 147–152.

36. [Межевич В. С.] О народности в жизни и в поэзии: Речь, произнесенная Московского дворянского института старшим учителем Василием Межевичем // Ученые записки Императорского Московского университета. 1836. Ч. 11. № 7. С. 94–146; № 8. С. 272–308.

37. *Местр Ж.-М., де.* Петербургские письма. 1803–1817 / Сост., пер., предисл. [и коммент.] Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995. 334, [1] с.

38. *Мещерякова А. О.* Граф С. С. Уваров в контексте русского консерватизма первой половины XIX века // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 67–75.

39. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

40. *Назаренко Е. Ю.* Мистический консерватизм: к характеристике мировоззрения князя А. Н. Голицына // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 134–148.

41. [Николай I, имп.] Указ Правительствующему Сенату // Журнал министерства народного просвещения. 1846. № 9. Отд. 1. С. 46.

42. *Пайпс Р.* Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 80, [2] с.

43. *Парсамов В. С., Удалов С. В.* Сергей Семенович Уваров // *Уваров С. С.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–54.

44. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. В 4-х т. Т. 2: Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2002. 815 с.

45. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. В 4-х т. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. 480 с.

46. *Плетнев П. А.* О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании. Императорского Санкт-Петербургского университета

31 августа 1833 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 1–30.

47. *Погодин М. П.* Взгляд на русскую историю // *Его же.* Историко-критические отрывки [по русской истории]. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. 1–18.

48. *Погодин М. П.* Для биографии графа С. С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. Стб. 2078–2112.

49. *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология / Сост. Л. А. Сапченко. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. С. 605–641.

50. *Полиевктов М. А.* Николай I: [биография и обзор царствования]. М.: М. и С. Сабашниковы, 1918. XII, 392, [1] с.

51. Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения на 1843 год. СПб., 1843. 194 с.

52. *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 519 с.

53. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. II, 785, [4] с.

54. *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч.: Р. А. Гальцева. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 14–36.

55. *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки / Подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1983. 438 с.

56. *Соловьев Ю.* Трилистник империи. URL: <http://mosjour.ru/2017061576> (дата обращения: 20.10.2019).

57. *Старчевский А. В.* Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 10. С. 97–135.

58. [Уваров С. С.] Б. п. // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. III–VII.

59. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // *Его же.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 346–455.

60. *Уваров С. С.* Исследование об элевсинских таинствах // *Его же.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 96–154.

61. *Уваров С. С.* Император всероссийский и Бонапарте // *Его же.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 234–248.

62. [Уваров С. С.] Краткая записка об Императорской Академии наук в Петербурге С. С. Уварова // Чтения общества истории и древностей Российских. 1865. Июль – сентябрь. Отделение 3.

63. Уваров С. С. Литературные воспоминания // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 516–520.
64. Уваров С. С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал министерства народного просвещения. 1839. № 1. С. 1–36.
65. Уваров С. С. Общий взгляд на философию словесности // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 325–333.
66. Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения, от 19 ноября 1833 г. // *Его же*. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 102–107.
67. Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 204–213.
68. Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100.
69. Уваров С. С. Проект Азиатской академии // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 65–95.
70. Уваров С. С. Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 252–271.
71. [Уваров С. С.] Циркулярное предложение г. Управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. XLIX–L.
72. Уваров С. С. Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа // *Его же*. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 497–501.
73. Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. X, 218 с.
74. Фатеев В. А. Первая энциклопедия русского консерватизма. Рецензия на: Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 251–265.
75. Фишер А. А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия. Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета ординарным профессором философии А. Фишером 20 сентября 1834 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 1. С. 28–68.
76. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия / С предисл. прот. И. Мейендорфа и указ. имен. Киев: Христианская благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 599, [1] с.

77. Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2005. № 4. С. 51–72.
78. Хартанович М. Ф. Николай I и гр. С. С. Уваров — реформаторы Академии наук // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 12. С. 1117–1125.
79. Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. 222 с.
80. Холмогоров Е. С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 86–123.
81. Хотеевков В., Чернета В. Граф С. С. Уваров — министр-просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 146–158.
82. Хотеевков В. Ф., Чернета В. Г. Министр-реформатор граф Сергей Семенович Уваров // Очерки истории российского образования: В 3-х т. Т. 1. М.: Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова, 2002.
83. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Путешествие за границу / Предисл., примеч. С. В. Бахрушин. В 2-х т. Т. 1: Москва сороковых годов. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 494, [1] с.
84. Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831) // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 335–362.
85. Шевченко М. М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6. Россия в николаевское время: Наука, политика, просвещение. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I / Отв. ред. М. Ф. Хартанович, М. И. Микешин. СПб., 1998. С. 100–117.
86. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 256 [272] с.
87. Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 267–334.
88. Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–50.
89. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х т. Т. 2. СПб.: А. С. Суворин, 1903. [4], 820 с.

Igor Gavrilov. Sergey Semyonovich Uvarov: Life. Works. Worldview.

Abstract: The article Investigates the evolution of religious and philosophical views of Count Sergey Semyonovich Uvarov (1786–1855), an outstanding statesman, scholar, researcher of Classical Antiquity, philologist, historian, philosopher, Minister of Education of the Russian Empire (1833–1849), and President of the Imperial Academy of Sciences (1818–1855). It shows that the thinker’s creative path was directed at all Its stages along the lines of the conservative worldview. As early as In the 1810-s Uvarov became convinced that In Europe the revolution sought to destroy culture, enlightenment and the “national spirit,” while Russia could develop without revolutionary upheavals, relying on Its spiritual, political and national traditions. Even In his early works, written under the Influence of romantic Orientalism, he appeared as a Christian educator, geo-politician and a forerunner of the Eurasianism movement, a critic of the philosophy of the French Enlightenment and a defender

of Christian culture and religion. As a Christian philosopher, Count Sergey Uvarov associated “true freedom” with the spiritual and moral life of the people, sought to make the political situation better through moral Improvement, and relied on the dependence of civil liberation from spiritual freedom. Unlike many highest officials of the Nicholas Age, who linked a revolutionary threat with the development of education, S. Uvarov, on the contrary, considered It as the most effective means of strengthening Russian statehood.

Keywords: enlightenment, education, conservatism, Romanticism, Orientalism, Neo-Classicism, philosophy of education, the “Russian triad”, “official nationality”, Orthodoxy, Autocracy, Nationality, S. S. Uvarov, Alexander I, Nicholas I, A. N. Golitsyn, M. P. Pogodin, N. G. Ustryalov, P. A. Pletnev, A. A. Fisher, A. N. Olenin, Imperial Academy of Sciences, “Arzamas Society of Unknown People”, Ministry of Public Education, Porechye Estate, “Russian Athens”, Table of Ranks, University Charter of 1835, Journal of the Ministry of Public Education, “Moskvityanin”.

Igor Borisovich Gavrilov – Candidate of Sciences In Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy (igo7777@mail.ru).